

Наталья Шитова

ДВОЕДУШНИКИ

КиКиМоРа

Наталия Шитова

Неспящая. Двоедушники

«1С-Публишинг»

2021

Шитова Н.

Неспящая. Двоедушники / Н. Шитова — «1С-Публишинг»,
2021 — (КиКиМоРа)

В мире происходит странное явление. Люди перестают спать и вследствие этого становятся опасными для общества. На сленге их называют «кикиморами». Главная героиня работает в надзорной дружине за теми, кого поразила этот ментальный недуг. Из-за опасной работы личную жизнь героине устроить непросто, а однажды с ней вообще начинают происходить странные события, которые приводят к шокирующим открытиям. Во второй книге нас ждем продолжение истории. Лесная коммуна кикимор пытается налаживать жизнь, но проблемы и старые враги не дают о себе забыть. Ладе предстоит столкнуться с новым вызовом и новыми опасными приключениями.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталия Шитова

Неспящая. Двоедушники

Глава 1

Наверху раздался удар, потом вскрики, ещё удар, потом что-то тяжёлое шлёпнулось плашмя прямо над моей головой. Кто-то взвизгнул.

Я бросилась вон из комнаты и побежала вверх по лестнице.

На втором этаже в комнате девчонок была настежь распахнута дверь. Я вбежала и остановилась рядом с Эриком. Он успел примчаться на шум ещё раньше меня.

Следом за мной, тяжело дыша, ворвалась Вероника и тоже замерла на пороге.

– Что случилось? – спросила она мне в затылок.

– Пока ничего особенного, – спокойно отозвался Эрик.

Ну, как бы да. Пока ничего особенного, это точно.

Много чего я повидала, и такое тоже. Зрелище не то чтобы потрясающее, но человека неподготовленного обычно слегка поражает экзотикой. Здесь же среди нас неподготовленных не было. Значит, и особенного ничего не случилось.

Молодой высокий мужчина стоял посреди бедлама из двух опрокинутых тумбочек и разбросанной одежды. Поза его – поза бойца, готового к схватке. Правда, врага своего он, похоже, толком не разглядел: взгляд отчаянный, невидящий, рот перекошен в растерянности, кудрявые волосы по плечам раскиданы... Сам парень белокож, упитан и немного рыхловат, но в целом ничего так, симпатичный, если не заострять внимание на том, что надет на нём лишь подгузник.

Девчонки, повизгивая, рассредоточились по комнате. Не сказала бы я, что они выглядели сильно испуганными. Так, самую малость.

– Кто дежурил в каморках? – так же тихо и спокойно поинтересовался Эрик.

– Я, – отозвалась Вероника.

– И? – бесстрастно уточнил Эрик.

– Мне нужно было выйти, – угрюмо огрызнулась она.

– Вера, – вздохнул Эрик, и в его голосе появилось раздражение. – Я сейчас не об этом... Ладно, разговоры потом, – попытожил он и повысил голос. – Всё в порядке, ничего страшного. Сейчас всё поправим и со всем разберёмся – верно, Сеня?

Сеня явно слышал Эрика, но не видел его. Он по-прежнему изумлённо тарасил глаза и пытался сообразить, кто с ним разговаривает. Он точно не понимал, где находится.

Эрик спокойно пошёл ему навстречу. Мы с Вероникой дёрнулись следом, но Эрик протестующе взмахнул рукой.

Я остановилась, Вероника сделала ещё шаг и тоже замерла. Эрика нужно было слушаться, так в нашей коммуне заведено: его слово – закон. Без Эрика мы можем и сами что-то предпринимать в таких ситуациях, но если он здесь, то никакой самодеятельности.

Хоть я и подчинилась Эрику, внутри меня всё протестовало. Память услужливо подкинула мне забрызганную кровью каморку и кровавые следы в коридоре. Таким я запомнила тот день, когда Вероника на выходе из кокона устроила побоище и порвала Эрика. Память моя, зараза, как оказалось, цепкая, прочная и ничем не хочет мне помогать, когда что-то нужно бы просто забыть.

– Всё хорошо, Сеня, – проговорил Эрик, подойдя к парню вплотную и взяв его за локоть. – Ты молодец. Ты сделал всё правильно...

Что уж такого правильного сделал Сеня, о том история умалчивает. Правильно было бы на выходе из кокона отлежаться, а проснувшись, неторопливо встать, проверить, твёрдо ли держат ноги и не кружится ли голова, сообщить о себе дежурному, дать ему измерить давление, а потом, если всё в порядке, без суеты и нервов отправляться в душевую. И нет в правилах такого, чтобы, едва очнувшись от кокона, врываться в жилую комнату – причём мужчине в женскую, – ронять там мебель и пугать людей.

Эрик тем временем одной рукой по-дружески обнимал Сеню за плечи, а другой как бы невзначай проверял его пульс.

– Сейчас мы проводим тебя в процедурный кабинет, я тебя осмотрю, и тогда пойдёшь в душ, – неторопливо, будто сказку, рассказывал Эрик. Сам в то же время проверял тонус мышц Сени и не сводил глаз с его лица.

На лице Сени гримасу растерянности сменила другая. Кажется, он, наконец, понял, что с ним.

– Видишь, как ты девочек напугал? – с мягким укором посетовал Эрик. – Пойдём, не будем мешать им наводить порядок. Да, Семён?

Парень протестующе тряхнул головой:

– Я Арсений!

– Ох, точно! – виновато воскликнул Эрик. – Извини, перепутал. Конечно, Арсений.

Хитрец он, мой дядя Эрик. Знает, как не напугать кикимору ещё больше, а, наоборот, заставить её сосредоточиться и собрать мозги в кучу.

Приобняв Арсения за талию, Эрик повлёк его прочь из комнаты. Я потянулась, чтобы подхватить нетвёрдо шагающего парня с другой стороны, но Эрик резко тряхнул головой: «Не надо!»

Я обернулась к девчонкам и покрутила руками – дескать, давайте, живенько приберитесь тут.

Протопав по коридору в самый конец, Эрик завёл Арсения в кабинет, и когда мы с Вероникой вошли следом, он уже укладывал своего подопечного на койку.

– Я отошла всего на несколько минут, – сказала Вероника Эрику в спину.

– Да, конечно, – вздохнул он.

– По всем расчётам ему было ещё рано просыпаться...

– Вера, – Эрик обернулся. Уже никакого раздражения, полное спокойствие. – Вера, я всё понимаю. Но когда у тебя под присмотром новичок, все расчёты бесполезны. Если спускаешься в такой момент вниз, надо позвать кого-то на эти несколько минут. Тебе ли этого не знать? Ну как же так?

Вероника сжала губы, в глазах её мелькнули слёзы:

– Извини. Я виновата.

Эрик качнул головой, шагнул к ней и быстро, но нежно поцеловал в висок. Раньше, на службе в дружине, Эрик не стал бы нежничать на рабочем месте. Но сейчас он мог позволить себе утешить жену.

– Я уверен, ты будешь внимательнее в особых случаях. Не плачь, пожалуйста, – тихо сказал он Веронике и повернулся ко мне. – Поможешь?

– Без проблем.

Я подошла к Арсению, укрепила тонометр, включила. Тонометры у нас специальные – такие же, как были в распоряжении дружины. Эрик долго колебался, стоит ли напрягать наших спонсоров, но всё-таки решил заказать лучшее. У кикимор нужно куда больше параметров отслеживать, чем у обычных гипертоников.

– Что там? – спросил Эрик, вынимая из шкафчика катетеры и пластыри.

– Да вроде норма. Посмотри сам, – я пропустила его к пациенту.

– Где Корышев? – буркнул Эрик, не сводя глаз с индикатора тонометра.

– С парнями в волейбол играет. Позвать?

– Да ладно, не стоит. Тут больше нужна сноровка, чем грубая сила, – меланхолично отозвался Эрик, потом оглянулся на Веронику. – Ты иди, Вера, успокой девчонок. Здесь всё не так страшно. Мы с Ладой справимся.

Вероника кивнула и вышла из каморки.

– Что делать-то? – уточнила я в ожидании команды.

Эрик ещё несколько секунд подумал и объявил:

– Я делаю измерения и корректирую составы для инъекций. Ты внимательно слушаешь, что я говорю, и смешиваешь препараты быстро и точно.

О, да. Для такой работы грубая сила точно ни к чему. А сноровки мне должно хватить.

Я открыла электронный замок на огромном, во всю стену, холодильнике и вынула контейнер со стандартным авральным набором медикаментов. Эрик молча наблюдал, как я проверяю, во всех ли бутылочках достаточно содержимого, и раскладываю на столе пулемётные ленты шприцев.

– Готова? – уточнил Эрик, когда я закончила.

– Готова. Поехали.

Эрик поставил пациенту катетеры – один для инъекций, второй – чтобы смачивать индикаторные полоски. Парень уже почти отошёл от встряски и держался неплохо. Только иногда глаза его сначала мутнели, потом вспыхивали безумным огнём. Это заставляло меня каждый раз напрягаться, но поскольку Эрик оставался невозмутимо спокойным, я тоже старалась не дёргаться.

Эрик был единственным здоровым в нашей коммуне. Все остальные десять парней и восемь девушек, включая меня, Макса и Веронику, были кикиморами.

Иногда мне казалось, что здоровые-то как раз мы, а измотанный Эрик с его вечным недосыпом, нервами, заботами и тревогами – как раз тот самый больной, о котором мы все должны были заботиться. Но нет, он как-то справлялся и с нами, и с собой, успевал каждому помочь, успокоить, предотвратить... Те из нашей коммуны, кому Эрик был знаком ещё по его работе в питерской дружине, прекрасно знали его тамошнее прозвище «Айболит», но здесь он получил новое – «папа Эрик». Странное прозвище для человека немного за тридцать, особенно если учесть, что двое из нашей коммуны были даже старше. Но, в конце концов, не в возрасте дело, а в сути. Не было у нас никого надёжнее и добрее, чем Эрик Малер, поэтому папа так папа.

Эрик не врач. Поэтому даже огромный опыт работы в питерской надзорной дружине не дал бы ему права официально практиковать и помогать кикиморам. Обходное решение нашлось: уединённая коммуна для свободного проживания. Перестроенный старый барак на опушке леса, необходимый набор оборудования, стандартные и редкие медикаменты только для внутреннего употребления. Осенью мы закончили стройку и оснащение и через соцсети пригласили всех желающих. И всё случилось весьма предсказуемо. Сначала желающие не спешили – слишком долгой была процедура перевода из-под обычного надзора в коммуну. Но сейчас, когда все свободные места заполнились, нас принялись одолевать заявками. Эрик всех кикимор мира взял бы под своё крыло, но на расширение у нас просто не было денег.

Арсений был нашим последним приобретением. Его привели к нам сразу же после решения комиссии, присвоившей ему третью группу. Никого с более серьёзным статусом мы не имеем права принимать – только группу наследственного риска и третью. Исключение – Никита Корышев, официально имеющий вторую группу, но у него и справка есть, что ему можно. Не просто справка – судебное решение. Правда о Никите мало кому известна. Всего несколько человек в курсе, что он – чёрная кикимора. И уж совсем никто, кроме меня, Эрика и Вероники, не знает, что Никита – футляр для личности Макса Серова. Для моего Макса, которого у меня отняли, а потом от царских щедрот вернули – в чужом теле... Ну, это уже пройденный этап.

Что до Арсения, то он оказался сушим ягнёнком. Серьёзный, стеснительный, очень дисциплинированный. Но, к сожалению, и такие няшки не застрахованы от проблем, свойственных кикиморам. Арсений стал кикиморой всего несколько месяцев назад, ему всё ещё было очень трудно свыкнуться со своим новым статусом, он боялся всего, а пуще прочего боялся причинить кому-нибудь вред. Ну, что тут скажешь? Правильно, в общем-то, что боялся. Кикиморы – существа опасные. Могут долго-долго, даже неделями, не спать, потом проваливаются в глубокий сон – кокон. Иногда сам кокон, а иногда, наоборот, невозможность вовремя уснуть заканчивается большой кровью. Арсений не выносил даже мысли о том, чтобы стать причиной большой крови. Да и малая его тоже пугала. Не удивительно, что на этом фоне случилось то, что произошло сегодня. На выходе из кокона мозг бедняги Арсения не захотел выпускать его из пограничного состояния.

И теперь с парнем придётся немного повозиться, чем Эрик сейчас и занимался.

Он приоткрывал катетер, мочил в крови полоску, вставлял в прибор, переключал режимы, смотрел показания, называл мне препараты и количества для смешивания. Я готовила шприц, подавала Эрику, он вводил, а затем снова контролировал показатели крови. И по новой. И ещё раз... Казалось, время остановилось.

– Ну, вот и порядок, – наконец, произнёс Эрик. – Можно расслабиться. Арсений, ты молодец. Теперь вообще всё в норме. Думаю, наша помощь больше не понадобится. Просто лежи полчаса, а лучше подольше.

– Я... – глаза Арсения к концу процедуры стали уже совершенно ясными, но теперь он казался насмерть перепуганным. – Ребята, я ничего не натворил? Никого не задел?

– Ты не всё помнишь? – уточнил Эрик.

– Местами ничего не помню, – кивнул Арсений.

– Девчонок ты здорово напугал, когда к ним ввалился. Но все целы, не переживай. Небольшой сбой на выходе, это иногда бывает. Дезориентация, провалы в памяти, тревожность...

– Ага, и срыв... – угрюмо добавил Арсений. – Такой, что всех, до кого дотянешься, в клочки рвёшь.

– И такое бывает, – спокойно заметил Эрик. – Но это срыв. А у тебя – сбой. Как в былые времена говорили – на нервной почве. В первую очередь из-за того, что ты слишком много знаешь, как оно бывает. Не накручивай себя.

– Угу, – мрачно мыкнул Арсений.

Эрик подавил вздох и, не меняя интонации, спросил лениво:

– Ну, раз ты такой эрудированный, всю теорию выучил, скажи тогда: у кикиморы какая главная причина срывов на выходе из кокона?

Арсений, похоже, решил больше не выпендриваться, поэтому, хлопая глазами, ждал, что Эрик скажет дальше.

– Главная причина взрывной реакции на выходе из кокона... да и не только на выходе, иногда и на входе случается... – продолжил Эрик, – ...нарушение естественной цикличности индивидуальных биоритмов кикиморы. Проще говоря: когда тебе не дают спокойно жить в том режиме коконов, который требуется твоему организму, рано или поздно организм взбунтуется. А у нас тут каждый свободно входит в свой естественный ритм, и угроза срывов минимальна. Больше скажу: коммуна открылась с октября... то есть мы тут седьмой месяц уже. Не было у нас срывов, ни одного. И если вдруг случится, то это будешь не ты.

– Почему не я? – с надеждой спросил Арсений.

– Ты новичок. Твои ритмы ещё не устоялись – это минус. Но никто ещё не успел тебе их поломать, а это – большой плюс. Так что успокойся, от тебя проблем будет меньше всего.

– Точно?

– Точно, – уверенно кивнул Эрик. – А вот я что-то умотался совсем. Пойду, прилягу на часок. А Лада пока с катетерами разберётся и витаминов тебе вколет. Весной витамины не лишние.

Арсений поёрзал на койке и умиротворённо улыбнулся.

Эрик подошёл ко мне, его рука зависла над раскрытым контейнером с медикаментами. Потом он решительно вынул бутылочку и поставил на стол:

– Вот это введи, два кубика.

Я прочитала этикетку и раскрыла глаза пошире.

– Нет, три кубика, – поправился Эрик, тоже многозначительно вытаращил глаза и с лёгким нажимом произнёс: – Очень. Хорошие. Витамины.

– Как скажешь, Айболит, – я пожала плечами, взяла ещё один шприц и открыла бутылочку.

Похоже, Арсению не стоило знать, что это не витамины, а сильное успокоительное.

Глава 2

Я вернулась на первый этаж в нашу квартиру: две смежные комнатки в торце левого крыла. Так-то у нас, конечно, коммуна. Один за всех, все за одного, вместе едим, вместе... нет, как раз не спим, а бодрствуем. Но у всех остальных – общие комнаты, отдельно мужская и женская. А у нас – квартира.

Окно – только в первой проходной комнате. Оно очень удачно выходит на автостоянку, так что я обычно первая видела, кто и на чём к нам приезжает. Вспоминая – чаще недобрым словом – шикарный лофт Никиты Корышева, я пыталась быть снисходительной к нашему нынешнему скромному жилью. Здесь у нас одновременно была и гостиная, и кабинет, и место, где мы с Максом могли побыть наедине, посмотреть телевизор или просто любить друг друга.

А вторая комнатка – самый настоящий глухой и слепой чулан. Её и делали специально такой – для коконов. Там помещались только койка и откидной столик на случай, если потребуется положить какие-то медикаменты или приборы. Ни окон, которые можно было бы ненароком разбить, ни лишней мебели, о которую так легко пораниться самому, если выход из кокона случится беспокойный. За полгода мы с Максом только однажды свалились в кокон одновременно, и Эрику пришлось растаскивать нас по каморкам. А так мы справлялись сами, присматривая друг за другом на своей – условно своей – территории.

Точно такая же по размерам и планировке квартирка была устроена в правом крыле для Эрика и Вероники.

Вот такие у нас четверых были буржуйские преимущества. Сначала мне было очень не по себе из-за того, что у меня особые условия. Но потом... потом мне стало не по себе уже от совсем других обстоятельств, и неловкость как-то притупилась.

Я давно уже стала замечать, что скучаю по Питеру. И по нашей с Эриком работе в дружине. То есть он-то, конечно, работал, а я так... пользовалась благосклонностью начальства и вносила посильный вклад, до поры до времени.

Казалось бы, о чём там было так уж тосковать? Можно подумать, там, в Питере, у меня было много каких-то невероятных возможностей, которых не стало тут, в лесу. Ну да, если бы! Меня ещё там, в городе, выпихнули прочь с территории надзорной дружины, запретили участвовать в рейдах и помогать кикиморам, а уж когда я и сама кикиморой стала, обложили со всех сторон такой плотной заботой, что это было больше похоже на домашний арест. Так что какие уж тут возможности.

Жизнь в нашем лесном бараке была, наоборот, куда более разнообразной и полной всяких мелких, но важных событий. Я работала ровно столько, на сколько хватало сил, помогала Эрику, старалась себя загрузить побольше. Вот только теперь территория была чётко ограничена. Полная свобода действий на одной опушке леса.

Иногда это меня бесило так, что очень хотелось вырваться. Но, как справедливо заметил однажды Макс, стоило разобраться раз и навсегда, а велика ли потеря, и больше к этому не возвращаться. И я разобралась. Работать в питерской дружине я всё равно не смогла бы: начальник дружины Марецкий даже Эрика уволил, а уж меня никогда и близко не подпустили бы. Что ещё? Сам Питер. Город, улицы, любимые уголки, театры, музеи, культура всякая... Любимых уголков не хватало, да. А культуры... Можно подумать, я в этих музеях – театрах часто бывала. В сети посмотрю, если очень приспичит. А положи руку на сердце – вряд ли приспичит. Вот такая я вся, простая да невзыскательная.

Но сколько бы я ни убеждала себя, что потеря невелика, после моих размышлений наш пятизвёздочный барак на краю заснеженного поля продолжал меня раздражать.

Да, я прониклась мыслью, что сейчас для меня и Макса вряд ли нашлось бы более спокойное место. Но не давало покоя то, что мы намертво привязаны к этому дому, фактиче-

ски заперты здесь... Даже несмотря на все здравые размышления, эта мысль с некоторых пор начала нравиться мне всё меньше и меньше, а потом стала не нравиться всё больше и больше.

Но это был наш общий выбор. То есть и мой в том числе. Жаловаться мне было, вроде бы, не на что. Все, кого я люблю, здесь со мной. Некоторые не в том обличье, которое я предпочла бы, но предпочтения мои уже давным-давно никакой роли не играли. Не стоило тосковать по тому, что вернуть невозможно. Нужно быть благодарной за то, что есть. Такой вот незамысловатый аутотренинг. Здесь, в лесной глуши, я снова вспомнила о техниках самовнушения, и, надо сказать, это помогало найти какую-то точку равновесия.

Поэтому, вернувшись из кабинета, где остался отлёживаться совершенно успокоившийся Арсений, я ещё раз повторила про себя все свои заклинания про наш общий выбор и про свободу как осознанную необходимость.

Только я закончила приводить в порядок своё душевное равновесие, как вернулся Макс.

Он вошёл в комнату и впустил с собой холод и запах свежего пота. Кроме джинсов, на нём была только промокшая футболка.

Всякий раз, как только он на какое-то время исчезал с моих глаз, и я думала о нём, то думалось мне именно о Максиме.

Макс. Мой Макс. Он раньше выглядел совсем иначе. Невысокий, плотный, темноволосый, с мягкой улыбкой и глазами цвета синей стали. Немногословный, серьёзный, строгий. Лучший и любимый мужчина, с которым ничего не страшно и ничто не в тягость. Не смущало меня даже то, что он в прямом смысле не от мира сего: Макесара – так его назвали при рождении – родился не здесь, а в смежном пограничном мире.

Теперь он был другим. Другое тело, другие жесты, позы, голос, запах. Длинный, худощавый, русоволосый и сероглазый. Теперь он был не только Максимом Серовым – ведь личность футляра никуда не делась. Так и жили две души в одном теле. Одна любила меня больше всего на свете. Другая... Другая не возражала, так скажем. Как и я не возражала против нового тела, с которым мне теперь довольно неплохо жилось, надо сказать... Мне было всё равно, в каком виде Макс вернулся ко мне. Я была бы благодарна за любое его обличье.

Но остальным было совсем не всё равно. Нашу тайну знали только двое: Эрик и Вероника. Все остальные верили только своим глазам и голым фактам. Голые факты говорили, что Максим Серов погиб, а я через некоторое время сошлась с Никитой Корышевым, да так до сих пор с ним и живу.

А какой смысл мне эти голые факты опровергать? Да никакого. Как нет смысла раскрывать всему человечеству прочие тайны, которые нам довелось узнать. Никто, даже самые неравнодушные и опытные работники надзорных дружин, ничего не знали о том, как и почему человек становится кикиморой. Не знали они и о том, кто такие чёрные кикиморы, а значит, и о подселении посторонних личностей в тела чёрных кикимор они тоже ничего знать не могли.

Короче говоря, нам было что поведать свету. Но вот резона делать это не было никакого, если мы не хотим, чтобы нас отправили куда-нибудь на принудительное психиатрическое лечение.

Нет уж, спасибо – мне здесь, в лесу, на свежем воздухе куда приятнее. У меня тут есть благоустроенный барак и наша небольшая община, где каждый старался помогать остальным. И Макс.

Пусть он сейчас выглядел, как другой человек, я всегда думала о нём, как о Максе. Но называла я его Максимом только наедине, да и то в особых случаях, чтобы, как говорится, руку не сбить. А на людях – только Никитой. Так было правильно, и я с этим согласилась сразу же. Это было трудно, иногда – тоже в особых случаях – я ошибалась, но решение было правильным. Все видели перед собой Никиту Корышева, и настаивать на обратном было бы неразумно. Эрику и Веронике тоже было значительно легче общаться именно с Никитой, опуская сложные

подробности. Они, конечно же, верили нам, но у них и своих сложных обстоятельств хватало, чтобы потакать нашим.

Так что, думая о Максе, а видя перед собой Никиту, мне каждый раз приходилось слегка сосредотачиваться, чтобы их не перепутать. Такая вот шизофрения.

– Никита, ты в календарь давно заглядывал? – встретила я его простым естественным вопросом, как только он перешагнул порог.

– А что там? – удивился он.

– Там начало апреля. И в нашей снежной лесной глуши всё ещё минус.

– А, – пожал он плечами. – И что?

– И посмотри, в каком виде ты шляешься по улице.

– Не ворчи, – отмахнулся Никита. – Я же не столбом стоял, а носился, как ошпаренный.

Ничего со мной не сделается.

– Иди под горячий душ, немедленно!

Он обречённо вздохнул и кивнул:

– Сейчас пойду, только спущусь в подвал, футболку в стирку заброшу – сейчас с мужиками всей бандой скинемся и машину запустим.

– И прощайся с футболкой, как в прошлый раз. Кто-нибудь её приватизирует.

– Наплевать, мне не жалко, – Никита пожал плечами.

– Ты и так почти все свои шмотки раздал. Что сам носить будешь?

Он повернулся ко мне:

– Ладка, ну прекрати! Пилишь и пилишь меня, как бабка старая.

– Ой, беда какая! Так найди себе бабку помоложе.

Он усмехнулся, покачав головой, шагнул ко мне, обеими руками пригладил мне волосы, взял моё лицо в ладони и поцеловал... энергично, коротко и ёмко. Как бы говоря: «Заткнись, дорогая». Эта привычка появилась у него недавно, ненавижу её. Во-первых, прежний Макс так не делал. Во-вторых, в этом была какая-то снисходительность ко мне, которой я раньше не чувствовала.

Я промолчала. Раздувать скандал из-за моих ощущений было не ко времени. Он не поймёт, что не так – он же не чувствует, насколько явно иногда прут из него странные манеры Коряшева. А если начнёшь растолковывать, то конечно поймёт. И тогда точно расстроится.

Сдёрнув с себя мокрую футболку, он ушёл.

Нет, всё неплохо. Даже отлично. Я знаю, что мужчина, с которым я живу, меня любит. Во всём многообразии проявлений, так скажем. Но проблема в том, что в теле, которое каждый день меня обнимает, не только Макс. Никита сначала в панике затихарился на время, но потом осмелел и лезет теперь изо всех щелей. Я подозревала, что нечто подобное должно было случиться, но того, что это будет так меня нервировать, я не ожидала.

Никита вернулся довольно быстро, свеженький после душа, в чужой чистой футболке. Добрёл до дивана, который как был полгода назад разложен, так никогда и не собирался, забрался на него и завалился на спину, раскинув руки. Шумно, с облегчением вздохнул.

– Ты что это?!

– Спина устала, ноет, – вздохнул он виновато.

– Потянул, может?

– Угу, – согласно кивнул он. – Только не сейчас. Давно уже баловались как-то с Филькой на скалодроме, и навернулся весьма неудачно. Да и вообще...

Он замолчал на полуслове.

– Что «вообще»?

Он открыл глаза и покосился на меня.

– Что «вообще», Макс?

Не знаю, кому как, а мне было совсем не сложно разглядеть, с кем именно я имею дело прямо в эту секунду. Очевидно же: про своего младшего брата Филиппа упомянул Никита, а вот жалоба на «вообще» точно исходила от Макса.

– Да ничего, – отмахнулся он. – Просто это тело не настолько хорошо слушается меня, как хотелось бы. Сравнение, так сказать, не в пользу...

– Не знаю, я как-то не жалуясь на это твоё тело, – проворчала я. – Может, всё-таки стоит поменьше мяч гонять на морозе?

– Да не в этом дело. Другое тело – оно и есть другое, – задумчиво высказался Макс. – Думал, разгону постепенно до нужной кондиции, но мясо упорно сопротивляется.

Он приподнялся и, тяжело опираясь на руки, медленно сел и спустил ноги с дивана.

– А может, не зря сопротивляется? – предположила я осторожно. – Ты не усердствуй с этим разгоном – телу виднее.

Он взглянул на меня и скорчил смешную досадливую рожицу. А потом безнадежно махнул рукой:

– Ладно, ерунда это всё. Не обращай на меня внимания. Сейчас ещё чуть-чуть передохну, и надо дровами заняться.

– Какими дровами?

– Теми, которые на днях закончатся. Нужно срочно заказать с доставкой.

Никита Корышев был вторым учредителем нашей коммуны. А по сути, он был первым, главным инициатором. И если Эрик занимался тем, чтобы мы все жили по правилам и умели помогать друг другу, то Никита полностью взял на себя хозяйственные хлопоты. Он знал, чего на сколько хватит, помнил, что скоро должно закончиться, разыскивал, где быстрее и дешевле заказать всё необходимое, вёл счета, искал спонсоров. Это меня совсем не удивляло. Макс и прежде был основательным и умелым во всём, что касалось бытовых проблем. А у Никиты, несмотря на всю его мизантропию, обнаружился талант менеджера. На этом две личности, живущие теперь в теле Корышева, прекрасно спелись. Но это, пожалуй, и было всё общее, что нашлось между ними.

Решив, видимо, что уже довольно с него отдыха, Никита встал с дивана, перебрался за компьютер, натянул наушники и принялся колотить по клавиатуре.

Наверняка он и не подозревал, что когда слушает музыку, у него на лице сразу рисуется всё, что он чувствует или чем озабочен. Сейчас на его лице отражалась не столько проблема дров, сколько смиренная печаль. Какая-то уж очень смиренная и совсем печальная.

Я ещё немного посмотрела на это и махнула ему рукой, он растерянно улыбнулся и стянул наушники.

– О чём думаешь?

– Да вот... – он кивнул на экран. – Думаю, что заказать: колотые, пилёные или кругляк. Кругляк, конечно, дешевле. Но возни с ним...

– Если вместо волейбола ваша дружная команда для разнообразия займётся заготовкой дров, хуже не будет никому.

– Тоже верно, – засмеялся Никита, набрал что-то на клавиатуре и финальным ударом по клавише ввода отправил заказ. Потом откинулся на спинку стула, потянулся, похрустывая суставами, и посмотрел на меня. – Хочешь, пушу за комп?

– Да мне вроде как незачем.

– А ты разве все тесты сдала?

– Не все, – буркнула я. – Бухучёт опять завалила.

Зимняя сессия на четвёртом курсе у меня не задалась. Как, впрочем, и все предыдущие. Всегда сдавала далеко не с первого раза. Но в этот раз как-то особенно не повезло.

– Что там заваливать-то? – фыркнул Никита.

– Ну, вот такая я бестолковая, значит! – разозлилась я.

Он нахмурился и поманил меня:

– А ну-ка, иди сюда. Иди, иди.

Я подошла, и Никита посадил меня к себе на колени.

– Эх, ты, двоечница, – вздохнул он. – Ну, давай помогу. Две головы всё лучше... Открывай свои тесты.

Я потянулась было к ноуту, но потом отмахнулась:

– Да не надо. Ни к чему это. Совершенно не нужно.

– Что значит «не нужно»? Тебе осталось совсем немного доучиться.

Ох уж, этот строгий тон. Ни с чем не перепутаешь. Макс, зануда...

– Чего ради, Максим?! Зачем мне этот диплом, если я собираюсь всю оставшуюся жизнь прожить в лесу?!

– Ты, и правда, собираешься жить здесь всю жизнь? – изумился он.

– А ты – нет?

– Я – нет, – подтвердил он уверенно.

– Ну-ка, ну-ка... И куда же ты собираешься переехать, интересно?

– Пока никуда. Но это место – не предел мечтаний, оно идеально только на данном этапе.

Начнётся другой этап – будет видно.

– Ты далеко смотришь, – усмехнулась я, сглатывая слёзы. – Ты умный, тебе виднее. А мне всё равно. И уж диплом делопроизводителя мне точно не нужен – ни в лесу, ни в городе. Кто меня на работу возьмёт? Зачем я вообще в этот универ поступила?

– Видишь ли, знания и культура, накопленные человечеством, заслуживают того, чтобы каждый освоил посильный кусочек...

Я соскочила с его колен. Начнётся сейчас воспитательная беседа о пользе образования.

– Я уже освоила кусочек. Правда, дурацкий и бесполезный, но мне хватит. Хотя нет, я с удовольствием пошла бы в медицинский. На отделение паллиативной помощи.

Никита неопределённо скривился:

– Не поступить тебе. База слабовата.

– Да я в универ и не собираюсь, ты что?! Вот в училище можно было бы. Сиделка или процедурная медсестра из меня получилась бы хоть куда!

– Это верно.

– Но кто ж меня пустит?! – я почувствовала волну едкого гнева. – Это контактная профессия – кикиморам нельзя!

– Малыш, не расстраивайся...

И тут меня прорвало. Это изредка, но случалось.

– Ты достал меня уговорами! Бесполезными, идиотскими, пустыми уговорами! Ты не успокаиваешь меня, Макс, а только бесишь! Неужели это так трудно заметить?!

Он надул щёки, тяжело выдохнул, встал и вышел из комнаты, сняв по пути свою куртку с вешалки.

Я тихонько поревела пару минут, наскоро вытерла глаза, высморкалась и побрела его искать. Не-не, вообще-то я гордая, но я ещё и умная иногда бываю. Если виновата, я это признаю сразу.

Он стоял у раскрытой двери дровяного сарая, задумчиво смотрел в тёмную пустоту и курил. Курил!!!

– Ну, Ма-а-а-акс! Ну, что это такое?!

Он поднял руки вверх, словно сдаваясь, но сигарету не выпустил. Я подпрыгнула и выхватила её, благо при моём немалом росте это было совсем несложно.

– Максим, ну что ты, как маленький?!

– Я – как маленький? – фыркнул он. – А ты как кто тогда? Я курю раз в неделю. Ну, два. Не раздувай из этого проблему.

– Макс, я не верю, что у тебя не хватает силы воли бросить это дело совсем! – заявила я, затапывая сигарету в снег. – Ты просто не хочешь бросать!

– Да, не хочу, – подтвердил он холодно.

– Сколько раз я тебя просила? Тебе что, плевать на мои просьбы? Или ты из принципа?

Он тяжело вздохнул:

– Нет, не из принципа. Просто мне это нужно.

– Макс, ты в жизни не курил, дыма даже не выносил! Это не тебе нужно, это всё чёртвов придурок Корышев! – прошипела я. – Бес противоречия, мать его...

Он поджал губы и отвернулся.

– Да, это я, чёртвов придурок Корышев. Сложно не признать очевидного, – сказал он, помолчав. – Но видишь ли... Это и раньше было непросто, когда подселения были регулярными, но временными. А сейчас, когда постоянно двоих в себе чувствуешь, а третьего ещё и помнишь, бывает настолько тошно, что вредные привычки становятся чем-то вроде спасительных ритуалов...

– Максюша, прости меня! – я обхватила его и крепко прижалась. – Прости! Не знаю, зачем я на тебя набрасываюсь...

Он обнял меня.

– Ты не виновата. Это раздражение – оно во многом органического свойства. Ты же знаешь: у кикимор портится характер, и у тебя он тоже испортился... чуть-чуть. Нам устроили жизнь, о которой мы не просили. Мы оба не виноваты. Важно, чтобы ты понимала, насколько хорошо ты справляешься со всем.

– Макс, ну как так можно? Какую бы дрянь я ни сказала, какую бы глупость ни выкинула, ты мне рассказываешь, какая я умница и молодец!

– Так ты и есть умница, – уверенно подтвердил он. – Ты... Ты моя родная девочка. Без тебя я ни в чём не вижу смысла. И когда ты впадаешь в отчаяние, у меня руки опускаются.

– Ты, и правда, веришь, что когда-нибудь мы сможем жить так, как захотим, и там, где пожелаем?

Он улыбнулся:

– Да. Верю. Что-то должно измениться.

– По шучьему велению, что ли?

– На шуку я бы не надеялся, – задумчиво проговорил он. – Только на себя.

– А что мы можем?

Он неопределённо пожал плечами:

– Выбор невелик, в общем-то. Как-то довести до сведения человечества, откуда берётся ККМР, и что надо делать на самом деле, чтобы кикиморы жили нормальной жизнью.

– Хочешь получить переходящее знамя главного городского сумасшедшего?

Он печально хмыкнул. Потом сказал твёрдо:

– Альтернатива мне нравится ещё меньше.

– А что ты считаешь альтернативой?

– То, о чём мечтал Баринов: чтобы кикиморы в мире стали большинством и, соответственно, нормой.

– Ой...

– То-то и оно, что «ой», – вздохнул он и промямлил: – Есть для нас с тобой и третий вариант, но я боюсь о нём даже заикнуться...

– Пограничье?!

Он кивнул.

– Правильно: и не заикайся.

Уйти из нашего мира в пограничный смежный – да я даже думать об этом не хотела после того, что со мной там произошло.

– Там есть не только маги-мерзавцы и лесные банды, там ещё есть много прекрасных мест, где можно нормально жить...

– Максим! А как мы всё это оставим?! Эрика, Веронику, ребят?!

Он покачал головой и очень серьёзно проговорил:

– Никак. Никогда. Ты права: мы не сможем.

Я взяла его за руки и уткнулась лицом ему в грудь.

– Никита, не обижайся, хорошо?

– Да я и не думал даже, – беспечно отозвался он и сжал мои ладони в ответ.

Я бы не отказалась ещё так постоять, но Никита вдруг разжал руки.

– Очень интересно... – протянул он в недоумении.

Я выпрямилась и взглянула туда же, куда смотрел он. На стоянку, что была прямо перед нашим окном, въезжал большой, красивый и, несомненно, дорогуший джип.

– К кому-то гости приехали, – сказала я. – Интересно, к кому? Вроде у нас нет ребят с такой богатой роднёй.

Никита будто не обратил внимания на мои слова, потянул из кармана телефон, долго ждал ответа.

– Малер, ты спишь, что ли? – недовольно проговорил Никита. – Ну, так просыпайся. У нас гости... Нет, думаю, к тебе... Марецкий.

– Это – Лёха?! – изумилась я, кивая на джип. – Откуда ты знаешь?

– Он прошлой весной приезжал к нам в штаб на этой тачке, ещё новёхонькой. Хвастался. У меня память на цифры, я номер запомнил, – хмуро ответил Никита, убирая телефон.

Это точно, у Макса всегда была отличная память на цифры.

Глава 3

Мне хотелось бегом бежать навстречу неожиданному гостю. Нет, вовсе не потому, что я скучала по Лёхе Марецкому. Всё проще: всем моим существом я сразу почувствовала, что Марецкий привёз какую-то неприятность. С некоторых пор исключений из этого правила не бывало.

Знала я Лёху давным-давно, с самых первых моих дней в роли «сестры» питерской надзорной дружины. Когда Марецкий был простым дружинником, а потом старшим группы, иногда я оказывалась с ним в рейдах. Он никогда не подводил, не подставлял, а если я, зазевавшись, подставлялась сама, он принимал меры, и было несколько эпизодов, за которые я была ему по-настоящему благодарна. Но была у него одна поганая черта, из-за которой глаза бы мои на него не глядели. Правила существовали для него только тогда, когда они приносили пользу ему лично. А с тех пор, как он пошёл вверх по карьерной лестнице, быть начальником стало для него удовольствием. И теперь он просто тащился от себя в роли начальника и стража законности и правил. Если раньше он запросто мог, например, избить кикимору, или запугать до чёртиков, или применить запрещённый препарат, когда это было ему на руку, то теперь ему куда больше на руку было строжайшим образом соблюдать все законы и предписания. И нещадно карать подчинённых за то, что совсем недавно легко позволял себе. Если буквальное исполнение законов разрушало чью-то жизнь, его это не останавливало.

Его общую въедливость и придирки ещё можно было терпеть, но когда Марецкий, став начальником дружины, уволил Эрика и сломал всю налаженную систему помощи кикиморам, это уже вытерпеть было невозможно. Конечно, то, как работала система Эрика, несколько отличалось от того, как она должна была работать по правилам и законам, но результаты-то были отличные! А кого это интересовало? Только не карьериста Марецкого.

И уж точно, Марецкий был последним из питерских дружинников, с кем я хотела бы увидеться после долгой разлуки.

Сейчас мне всё же хотелось бежать к нему бегом, чтобы быстрее опознать ту самую неприятность, которую он привёз, и не пустить её к нам на территорию.

Но Никита шёл медленно, и мне пришлось подстроиться под его размеренный шаг.

Пока мы шли от дровяного сарая к бараку, Марецкий вылез из машины и стоял, озираясь по сторонам и шурясь от яркого солнца. Видок у него был неофициальный: удобные форменные берцы и куртку – правда, без опознавательных эмблем – разбавляли голубые джинсы, местами вытертые добела.

Заметив нас, Марецкий довольно улыбнулся и приветственно взмахнул рукой.

– Здорово, Ладка! Как ты?.. Привет, Корышев!

Мне показалось, он хотел ещё что-то сказать, но не успел. На крыльцо вышел немного помятый и взлохмаченный Эрик.

Марецкий повернулся к нему:

– Ну, здравствуй, Эрик Генрихович!

Эрик сдержанно кивнул и внимательно уставился на гостя.

Марецкий подошёл и протянул руку.

Эрик помялся немного – то ли для вида, то ли и правда сомневался, стоит ли оно того, – но потом всё-таки протянутую руку пожал.

– Какими судьбами? – поинтересовался Эрик почти равнодушно. – Затеял внезапную инспекцию?

– Да ты что, Малер? Это же не моя территория, – засмеялся Марецкий.

– Вот это первое, что пришло мне в голову, – обронил Эрик.

– В смысле?

– В смысле – не перепутал ли ты территории, – пояснил Эрик, с трудом сдержав зевок.
– Ну, что ж ты со мной так? – усмехнулся Лёха, качая головой. – Врагом меня считаешь?
– Я тебе войну не объявлял, – отозвался Эрик. – Но и друзьями мы вроде как не становились... Впрочем, это неважно. Согласись, ситуация странная. Когда такой большой начальник приезжает на чужую территорию без сопровождения местных дружинников, это вызывает вопросы...

– Мне не нужно сопровождение местных дружинников, если я не на службе. Никаких проверок, Малер, не напрягайся. К тому же я и так в курсе, как вы тут устроились. Здешние ребята проверили вас за это время вдоль и поперёк. Нарушений нет, да и вообще они на вас не нарадуются – говорят, местной дружине от вас только помощь... Нет, я здесь исключительно частным образом.

– В гости, что ли? – равнодушно уточнил Эрик.

– Да.

– Вот не знаю даже, что тебе на это ответить, – пожал плечами Эрик. – Вроде как не положено прощаться с гостями, не напоив чаем на дорожку, но мне что-то очень хочется поступить именно так, как не положено.

– Так чай у вас всё-таки предлагают? – простодушно улыбнулся Марецкий. – Но не мне?

– Как-то так, да, – согласился Эрик.

Марецкий повернулся и пошёл к своему внедорожнику. Я решила, что он сейчас сядет и уберётся восвояси, но вместо этого он открыл заднюю дверь и подал кому-то руку, а затем и вторую.

Из машины неловко вылезла, почти что свалилась со ступеньки в руки Марецкого невысокая худенькая девушка в стёганом лыжном костюме. Обеими руками она прижимала к себе крошечного младенца в ярком комбинезоне с капюшоном. Марецкий убедился, что девушка твёрдо стоит на ногах, отпустил её и достал с заднего сидения большую спортивную сумку.

Приобняв девушку за плечи, Лёха повёл её к нам.

– Меня можете не поить, но, если вас не затруднит, ребята... – начал он.

– Проходите в дом, – коротко проговорил Эрик и пошёл вперёд.

Мы с Никитой побрели сзади, замыкая процессию.

Эрик провёл всю компанию на свою половину, подставил девушке стул:

– Раздевайтесь и ребёнка разденьте – здесь жарко. Малыша положите на кровать, так будет удобнее...

Никита всё молчал, но не сводил глаз с наших незваных гостей.

– Послушай меня, Эрик Генрихович... – начал было Марецкий, глядя, как его спутница хлопочет над ребёнком. – Я к тебе по делу приехал, и дело это очень личное и очень важное...

И тут распахнулась дверь, и в комнате появилась Вероника.

Марецкий осёкся и замер с полуоткрытым ртом.

Вероника немного побледнела, хотя с её кожей куда уж ещё бледнеть. Затем на её щеках мгновенно вспыхнули пятна нервного румянца. Она бросила вопросительный взгляд на Эрика.

– Всё хорошо, Вера, – спокойно сказал Эрик.

Она кивнула и, повернувшись к Марецкому, произнесла с усилием:

– Здравствуй, Алексей.

Марецкий нервно сглотнул и уставился себе под ноги, качая головой.

И тут подала голос девушка:

– Извините... Мне бы малышку помыть и переодеть...

– Конечно, – кивнул Эрик. – Вера, пожалуйста, проводи наших гостей в душевую. И потом... Как вас зовут?

– Ирина, – пролепетала девушка, подхватывая одной рукой ребёнка, а другой сумку.

– Веруша, и потом напои Ирину чаем, хорошо?

– Даже с печеньем, – улыбнулась Вероника и перехватила у девушки сумку. – Пойдём со мной. Осторожно, там ступеньки...

Мы остались вчетвером. Все молчали.

– Я не знаю, как вы это сделали, – пробормотал Марецкий. – Но должен признать, что никто и никогда ещё так меня не дурил, как это вышло у вас... Сошникова была мертва! Я сам это видел!

– Все это видели, – согласился Эрик. – Она и была мертва.

– Кто?

– Вероника Сошникова. Она действительно умерла на даче у Карпенко, и ты лично засвидетельствовал её смерть. Всё верно.

– А это, по-твоему, кто тогда?! – прошипел Марецкий, кивая на дверь.

– Это? Вера Малер, моя жена, – невозмутимо пояснил Эрик. – В девичестве – Герасимова. Документы в полном порядке. Как ты справедливо заметил, их тоже проверили вдоль и поперёк, как и всё здесь.

– И как вы это обтяпали?

– Никак, – пожал плечами Эрик. – Ты обознался. Моя Вера слегка похожа на покойную Сошникову, но и только.

– Слегка похожа?!

– Ну, да. Слегка похожа. Рыжая, кудрявая. Мой любимый женский типаж. Грешен, – невозмутимые глаза Эрика смотрели так невинно.

Марецкий всплеснул руками, но потом отмахнулся и в изнеможении присел на стул.

– Ладно, ребята... – сказал он обречённо. – Вы сделали из меня дурака. Вы меня переиграли. Я не верю ни одному слову из твоих, Малер, нелепых отмазок, но будем считать, что я поверил. Это будет наш маленький секрет. Если вы мне расскажете, что к чему, согласитесь, это будет уже не так интересно...

Никита, наконец, нарушил молчание:

– Что тебе нужно от нас, Марецкий?

Алексей вздохнул, посмотрел на Никиту, потом на меня и развёл руками:

– Мне нужна помощь, ребята. Я прошу вас приютить Иру и девочку.

– Какая группа? – уточнил Эрик.

– Третья, – поспешно сказал Марецкий, обводя беспокойным взглядом наши лица. – Третья, ребята! Честная железная третья!

– Ребёнок чей?

– Её. Две недели назад родила.

– Это понятно, – поморщился Никита. – Отец кто? Ты?

Марецкий кивнул.

Эрик угрюмо вздохнул. Никита нервно сложил руки на груди. Ситуация становилась предельно ясной и, как по мне – почти неразрешимой. Отказать... Как тут откажешь?! Согласиться... Ещё хуже.

– По условиям регистрации нашей коммуны, – начал Эрик, – пребывание на нашей территории детей-кикимор младше четырнадцати лет и здоровых младше шестнадцати возможно на срок не более двенадцати часов, причём дети не должны оставаться наедине со взрослыми кикиморами. И уж тем более мы не можем нарушать общие положения о родительских ограничениях для кикимор. А ты, Алексей, предлагаешь нам поселить тут нелегалов...

– Я не предлагаю, Малер, – возразил Марецкий. – Я прошу. Я очень вас прошу!

Эрик и Никита молча переглянулись. Это молчание накаляло воздух.

– Подставы боитесь? – то ли возмущённо, то ли обиженно воскликнул Марецкий. – Это не подстава, мужики! Я попал со всем этим... Помогите! Мне надо куда-то их пристроить!

– Если здесь найдут ребёнка, – сурово оборвал его Никита, – не только разлучат его с матерью, но и нас перетряхнут. Вполне могут просто закрыть и разогнать. Так что оставляй девушку. Место ей найдём: народ подобрался хороший, дружный, не обидят. А ребёнка увози от греха.

– Ребята, пожалуйста!

– Чем в детдоме или здесь под постоянным риском, ребёнку лучше быть со здоровым отцом, – сказал Эрик. – Оформи опеку, в чём проблема? Не хочешь карьеру портить – не признавай родство, просто оформи независимую опеку. Или что, дружинникам уже и это запретили?

Марецкий помотал головой и через силу ответил:

– Нет, не запретили пока... Но я не могу заниматься этим официально. Я женат, ребята. Жена не даст согласия... да ей и вообще знать нельзя!

Никита и Эрик уставились друг на друга.

– Нет, нормально, да? – со злостью проговорил Никита. – Двадцать первый век на дворе, а человек при высокой должности догадался, как жене изменять, а как резинками пользоваться, не додумался.

– Ты меня ещё поучи! – вскинулся Марецкий и, подскочив к Никите, цапнул его за воротник. – Чья бы мычала!..

Никита оторвал его руки и оттолкнул от себя:

– Да пошёл ты!.. Вот именно потому, что я сам в таком же положении, я и понимаю лучше всех, что ты себе устроил и на что обрёл этих девочек!

– Хватит! – повысил голос Эрик. – Замолчите оба.

Мой мудрый дядя выходил из себя очень редко. Даже когда его скручивало от ярости, он умел очень долго держать себя в руках.

Эрик прикрыл глаза, устало потёр лицо и произнёс со вздохом:

– Назови мне, Алексей, хоть одну причину, по которой твоя проблема должна стать нашей. Только подумай хорошенько: это должно звучать убедительно.

На Марецкого страшно было смотреть.

– Я не знаю, – сказал он совершенно убито.

Никита фыркнул:

– Ну, ты же почему-то привёз их именно сюда!

– А кроме вас, мне некуда больше их везти. Больше никто не поможет.

– Почему?

– Всем или наплевать, или бояться, – горько усмехнулся Марецкий.

– По себе судишь... – покачал головой Никита. – Полно укромных мест в самом Питере, где можно было найти приют. И я уверен: ты не хуже нашего их знаешь, эти места. Они все у тебя на примете, так или иначе. И не надо было так далеко тащиться.

Марецкий, наконец, поднял голову и обвёл нас взглядом:

– Да, знаю я... пару мест. Но...

Он замолчал, и Никита угрюмо закончил за него:

– ...но и тебя там прекрасно знают. И почти наверняка укажут тебе на дверь. Или, помня твои благодеяния, подставят при первой возможности.

Марецкий кивнул:

– Что ж, так и есть. Я приехал сюда, потому что только вам доверяю. У нас были сложные отношения, но я доверяю вам полностью.

– Я тронут, – буркнул Никита. – А вот я лично доверял тебе куда больше, когда знал, что ты упёртый служака и карьерист. Тогда ясно было, чего от тебя ждать. А теперь, когда ты за своё кровное готов на всё, что угодно, я не знаю, на что этакое ты ещё способен...

– Ну, только не на то, чтобы заложить или подставить того, кто может спасти мою дочку и её мать! – рявкнул Марецкий в отчаянии и тут же мгновенно скис. – Я умоляю вас, ребята!..

– Эй, ну вы что?! – встряла я, хотя никто не спрашивал моего совета. – Прекратите! Нельзя так, ну что же вы делаете?! Эрик, скажи что-нибудь, наконец! Зачем эти дурацкие вопросы? Что вы от Лёхи хотите услышать?! Какая разница, что он скажет? А если ничего не скажет? Если бы его тут вообще не было?! Если бы эта Ира с ребёнком просто пешком к нам пришла? Прогнали бы?!

Эрик подошёл ко мне, приобнял слегка, шепнул на ухо:

– Успокойся, Ладка. Всё хорошо. Всё нормально.

Отпустив меня, он вышел из комнаты.

Марецкий без сил снова сел на стул. Мне было очень его жаль. Всё, что говорил ему Никита, было справедливо, но... Но зачем?! Даже если сейчас он со всем согласен, это ничего не изменит. Ни его не изменит, ни обстоятельства.

Никита шагнул к Марецкому, наклонился над ним, потрепал за локоть.

– Ладно, не раскисай. Что-нибудь придумаем, конечно, – сказал он уже значительно мягче. – И твой моральный облик, и наши с тобой прошлые конфликты тут вообще ни при чём. Просто твоя ситуация в нашу жизнь не вписывается вообще никак, вот и всё. Это понятно, я надеюсь?

Марецкий кивнул.

– И за тебя эту проблему до конца никто не решит, – добавил Никита.

– Я понимаю, – печально буркнул Марецкий. – А ты свою проблему решил?

– Решил, – улыбнулся Никита. – Мой брат оформил опеку. Уже несколько месяцев сын живёт у него, за городом. Брат с детьми возиться не умеет и не хочет, но мы с ним сразу договорились, как будем действовать, и нашли хорошую няню. Живут они отсюда далеко, но видимся теперь чаще.

– Ты молодец, – задумчиво констатировал Марецкий.

– Тебе просто время нужно, – уверенно сказал Никита. – Обдумай спокойно: есть много вариантов растить такого ребёнка в домашних условиях, не подвергая никого риску. В конце концов, можно найти не родственника, а просто добросовестного человека, который за разумные деньги формально станет независимым опекуном. На поиски такого человека нужно время. Мы присмотрим за девочками, пока ты будешь это улаживать.

– Спасибо, Корышев.

– Только учти, что мы можем спалиться. В души ребятам не влезешь. Кто-то и сдать может сгоряча, особенно если узнает, что это именно твоя дочь.

– Я наказал Ирине строго-настрога!.. – начал Марецкий.

– Верю, – кивнул Никита. – Но мы все люди. Бывает всё. Может, кто-то уже увидел и узнал тебя... Ну да неважно, по какой причине, но планы наши могут накрыться разом. И не сбрасывай со счетов тот самый риск, из-за которого у кикимор детей отбирают. Мы тут порхаем друг над другом и с бубнами пляшем, но тоже возможно всё.

Марецкий молча слушал.

– А поэтому, Алексей, думай о том, что это временное решение вопроса, двадцать четыре часа в сутки над этим думай. Ищи ребёнку дом с соблюдением всех правил.

Марецкий снова кивнул.

– Ладно, не буду больше тебя жизни учить, ты и сам всё понимаешь, я думаю, – заключил Никита и повернулся ко мне. – Пойду ребятам помогу.

Когда он ушёл, Марецкий задумчиво взглянул на меня и через силу пошутил:

– Надо было жениться на тебе, когда ты предлагала. Может, не влип бы так.

– Надо было. Но, увы, ты упустил свой шанс, – подыграла я ему.

Он криво улыбнулся.

– Ты хоть любишь её?

– Кого? – вздохнул Марецкий. – Ирку, жену или дочку?

– Да хоть кого-нибудь?

– Хоть кого-нибудь, должно быть, люблю, – пробормотал он с досадой. – Иначе не торчал бы тут.

Я, наверное, такую гримасу состроила, что Марецкий понимающе усмехнулся:

– Думаешь, напрасно вы согласились?

– Уверена, что напрасно. Я сразу поняла, Лёша: ты нам большую проблему привёз. Ты на это мастер.

– Кто бы говорил, – скривился он.

– Лёша, ты только давай не...

– Что?! – вскинулся Марецкий. – Ты ещё мне лекцию прочти!

– Я хотела сказать: ты только не забудь обо всём этом. А то отъедешь по шоссе подальше, решишь, что сбросил проблему, и дело сделано...

Он встал, подошёл вплотную, нервно щурясь, словно вдруг стал близоруким.

– А я ведь помню, как своими руками труп Сошниковой в простыню заворачивал, – сказал он задумчиво. – И не забывал никогда. Сколько раз такое делал, а не забывается. А уж то, что я сегодня увидел, вот это всё... Думаешь, я вас забуду теперь?

– Ты что, нам угрожаешь?

Он покачал головой:

– Нет. Я же сказал: я никогда не подставлю тех, кто мне помог.

То ли у меня совсем уж характер испортился, а вовсе не чуть-чуть, то ли я превратилась в параноика в этой глуши, но слова Марецкого для меня прозвучали как угроза. Теперь мы знали его тайну, а он знал нашу. Вроде бы наши тайны должны сделать нас союзниками. Но эта гарантия показалась мне совершенно не надёжной. В конце концов, что за беда – любовная связь с кикиморой и внебрачный ребёнок. И совсем другое дело, когда официально умершая и по документам давно похороненная кикимора первой группы живёт себе под чужим именем.

Марецкий помолчал немного и вдруг спохватился:

– О, слушай, заодно спросить хотел... Хорошо, что не забыл...

Он полез в задний карман и вытащил оранжевую пластиковую молекулу размером с крупную виноградину. Тарк проникновения. Артефакт, открывающий портал в смежный мир.

У меня сердце чуть притормозило, а потом пошло в разгон. Срочно... срочно взять себя в руки!

– Не знаешь, – задумчиво проговорил Марецкий, – что это может быть за ерунда?

– Знаю! – ответила я как можно веселее.

Представляю, до чего это фальшиво звучало! Но Марецкий, кажется, ничего не заметил. Теперь оставалось наскоро придумать что-то, хотя бы отдалённо правдоподобное.

– Лёш, откуда это у тебя?

– У покойного Карпенко в карманах были. Сначала думали, что детали от детского конструктора или фишки для игры какой-нибудь, но порылись в сети и не нашли ничего похожего... А они у него так культурно, в пакетике лежали. Так и пришлось написать в описи: «пластиковые предметы неизвестного назначения».

– Ну, вы почти угадали. Фишки, да... – я взяла у Марецкого тарк и подбросила на ладони. – Реквизит это. Для психологического тестирования.

Алексей недоумённо нахмурился:

– Виталька-то тут при чём? Где был он – и где психология?

– Виталий, как ты знаешь, во всём помогал Эрику.

– Ну? – сурово промычал Марецкий. – И?

– А Эрик перед тем, как ты его из дружины вышиб, – тут мне даже притворяться не понадобилось – злость в голосе сама по себе вылезла, – занимался своей новой методикой. Он придумал систему тестов для кикимор, чтобы выявлять скрытые депрессивные состояния. Метод на основе теории системных расстановок. Слышал?

– Не-а.

– Почитай – интересно.

– Некогда мне вникать, – то ли с упрёком, то ли с раздражением буркнул Марецкий.

– Жаль, – я продолжала подбрасывать тарк на ладони. – И вот такие штучки там как реквизит используются. Виталик их заказать должен был у каких-то своих знакомых умельцев. Не только эти вот рыжие, но и другие разные. У Виталика только эти были?

– Да не только, ещё пирамидки какие-то, кубики, – промямлил Алексей. – Валяются в сейфе вещдоков. Я думал – может, интересное что. А это, оказывается, фигня всякая...

– Ничего не фигня! Если бы не ты, то Эрик доработал бы очень и очень полезную методику! А ты за внедрение ещё и повышение получил бы. Но тебе же надо было власть свою показать. Когда теперь Эрик сможет к этой работе вернуться?.. Может быть, никогда.

Марецкий только плечами пожал.

Я, наконец, перестала подбрасывать тарк и зажала его в кулаке.

– Я оставлю себе? На память... о мирном времени?

Алексей отмахнулся:

– Бери, играйся.

Я засунула тарк поглубже в карман. Невероятно, как мне повезло...

Вернулся Эрик.

– Всё в порядке. Сейчас освободят кладовую... ту, с окном, – Эрик махнул рукой наверх. – С кроваткой для ребёнка что-нибудь придумаем. Пойдём, Алексей, попрощайся – и быстро уматывай отсюда, пока тебя никто не узнал.

Марецкий подорвался и поспешил за Эриком туда, где ему следовало быстро и тайно попрощаться.

Сверху послышался тихий, но требовательный плач младенца.

Да, я просто уверена была на все сто, что согласились мы напрасно. И на все двести – что не согласиться мы не могли.

Глава 4

Марецкий всё-таки привёз неприятности. Нет, с его нелегалами за ночь ничего не произошло. Но в целом с утра начался если и не сумасшедший дом, то небольшая сумасшедшая избушка.

Для начала легла в кокон наша повариха. Конечно, у нас не было такой должности, но самая старшая наша кикимора сама вызвалась – ей это было не в тягость. Мы, остальные, конечно, и сами не безрукие, и всегда без проблем подменяли её, когда было нужно, но для того, чтобы не получилась неразбериха, дежурных по кухне надо назначать хоть чуть-чуть заранее. А какие тут дежурные в шесть утра? В шесть утра кого можно пристроить на кухню? Правильно, того, кто неосмотрительно встал первым. То есть меня.

Ладно, хорошо. Занялась я завтраком. Не успели поесть – затеяли дискуссию о том, кто прибирается, а кто обедом занимается. Прибираться нашлись добровольцы, до остального дело не дошло – прикатили гости. К нашему новичку Арсению приехала сестра, а к Никите – отец.

Гостей развели по комнатам, я уже почти пошла соображать что-нибудь насчёт супчика, но неожиданно выяснила, что Вероники, которая должна дежурить в крыле для коконов, опять почему-то нет на месте. Конечно, я разозлилась. Конечно, стоило бы разыскать её, но мне не хотелось поднимать шум. Стоит начать расспрашивать, не видел ли кто Веронику, как всё дойдёт до Эрика, а лишний раз расстраивать его я не хотела. И так у него с Вероникой в последнее время постоянно какое-то затяжное недопонимание... А раз так, то кому приходится разруливать ситуацию? Правильно – тому, кому больше всех надо. То есть мне. Пришлось то спуститься в кухню и пытаться там что-то стряпать, то скакать наверх и проверять, всё ли спокойно у тех, кто в коконе.

Окончательно убежавшись вверх-вниз по лестнице, я выскочила в очередной раз из кухни и налетела на пожилого седовласого господина, который неосторожно попался мне на пути. Коряшев-старший явно шёл из нашей комнаты, и он был один, что мне показалось немного странным. Обычно Никита провожал его до машины.

– Ой, извините, Алексей Иванович! Я вас не зашибла?

– Нет-нет, – усмехнулся он. – Очень кстати вы мне подвернулись, Лада. Прогуляйтесь со мной, пожалуйста. Мне надо сказать вам пару слов.

Пока мы жили в коммуне, отец Никиты Коряшева несколько раз навещал сына. Но ни разу он не разговаривал со мной вообще, поэтому пара слов – это было что-то новенькое.

Мы с господином Коряшевым были давно представлены друг другу. Ещё в первый его визит к нам Никита познакомил меня с отцом, заявив ему, что вот женщина, с которой он проживёт жизнь. Я от этих слов чуть не разревелась – так они меня тронули. Но они не произвели никакого впечатления на этого почтенного старика. Смотрел он на меня тогда вежливо, но равнодушно. Так что грядущая пара слов мне не понравилась сразу ещё до того, как была произнесена.

– Дело в том, – начал он, когда мы вместе спускались с крыльца, – что я хоть не слишком стар, но и не слишком здоров. И я очень заинтересован в том, чтобы мой сын стал моей правой рукой уже сейчас. Заняться семейным бизнесом Никите стоит именно сейчас, а не тогда, когда это свалится на него в виде наследства. Сейчас, когда я могу постепенно ввести его в курс.

– Так в чём же дело?

– Он не хочет, – раздражённо бросил старший Коряшев. – Как видите, он так осерчал, что даже не хочет проводить меня. Отказывается от моего предложения в очередной раз. Наотрез.

– У него есть причины, видимо.

– И одна из них – это вы, милочка.

– Неправда! – твёрдо сказала я. – Я ему ни слова против не говорила. Он вообще меня об этом не спрашивал.

– Охотно верю. Он не спрашивал, потому что уже сам всё решил. Ни с кем не советоваться – это в его духе, – насупился Корышев. – И всё же я представляю мотивы, по которым он сидит в этом чудесном домике на сучьих выселках... А между тем, мои силы уходят, и мне нужен тот, на которого я смогу опереться. Мой младший, Филипп – талантливый человек и замечательный сын, но так сложилось, что его таланты лежат совершенно в иной плоскости, и передать ему какой бы то ни было бизнес – это всё равно, что вручить мартышке очков с полдюжины... Другое дело Никита: он – то, что надо. У него есть деловая смекалка, аналитические способности и трезвый взгляд на жизнь, он дружит с цифрами и разбирается в юридических вопросах... Его болезнь – это, конечно же, наше общее семейное несчастье, но... я знаю, в той форме, в которой болезнь развивается у Никиты, она почти не мешает ему. Совсем другое дело – вы, милочка...

Эта кошмарная «милочка» бесила меня настолько, что я уже практически забыла, что старость нужно уважать.

– Подождите, Алексей Иванович, – я не очень-то вежливо перебила его. – Я всё это понимаю. Но Никита ушёл из семьи и из бизнеса ещё до того, как я появилась в его жизни. И те причины, по которым он ушёл тогда, не исчезли до сих пор. Что же вы теперь от меня хотите?

– Те причины... – задумчиво проворчал Корышев.

Мы подошли к автомобилю, на котором он приехал с водителем, и остановились.

– Те причины не исчезли, тут вы правы, – кивнул Корышев. – Видите ли, мы с женой уже давным-давно чужие друг другу люди. У меня с ней договор: я не должен портить успешному политику досье, поэтому мы делаем вид, что у нас счастливая семья. Но жена никакого отношения не имеет к моему бизнесу. Кого хочу, того и беру в долю и посвящаю в дела, не спрашивая супругу. Она вычеркнула Никиту из своей жизни – это был её выбор. Я от сына не отказывался, и, как вы видите, мы прекрасно ладим. За исключением, разве что, разговоров на эту сложную тему. Поэтому я вас попрошу, когда зайдёт речь о том, чтобы Никита вернулся...

– Простите, но я не уверена, что об этом зайдёт речь. Я так понимаю, во все ваши приезды сюда вы только и делаете, что достаёте его этим вашим бизнесом... И он ни разу об этом не сказал. А значит, и не скажет.

Корышев недобро прищурился:

– Ну, так значит, вы сами ему скажете. Можете даже не скрывать, что это я вас просил. Я хочу, чтобы вы – если вы, конечно, на самом деле любите моего сына и желаете ему лучшей судьбы – чтобы вы сами сказали ему об этом и направили его туда, где ему место. Видите ли, милочка, я состоятельный человек, и я не в силах проесть столько, сколько приносят мои капиталы. И мне не жаль денег на благое дело. Я готов финансировать эту вашу богадельню в том объёме, в котором это понадобится вашему уважаемому дядюшке, но мне нужен мой сын!

– Я не поняла: вы что, пытаетесь выкупить Никиту у меня?!

– Мой сын нужен мне рядом со мной. Сейчас, – холодно подтвердил Корышев. – Мне не важно, как именно это выглядит через ваши розовые очки. Мне нужен мой сын.

– Мне тоже нужен ваш сын.

Корышев всплеснул руками:

– Я смирился с тем, что у меня есть внук неизвестно от кого, так что я вынесу и невестку неизвестно откуда – это вообще не проблема! Поймите, наконец: мне нужно, чтобы Никита уехал из этой чёртовой глуши и занялся тем, что ему предназначено. Уедет он один или с вами вместе – мне безразлично!

– Я не смогу его заставить.

Корышев крякнул с раздражением и желчно поморщился:

– Его никто не сможет заставить, я знаю. Но ваше мнение он услышит и обдумает. Это будет на пользу. Если вы, конечно, скажете именно то, что нужно. А вы должны сами чувствовать, что нужно сказать, чтобы вытащить своего любимого мужчину из этого, простите, вонючего болота...

Он принялся садиться в машину и прежде, чем закрыть дверцу, оглядел меня с головы до ног. Взгляд цепкий и расчётливый.

– Сын утверждает, что вы умница и добрая душа. Вот и сделайте, как ваша добрая душа вам подсказывает.

Дверь захлопнулась, машина уехала. Как Никита подобрался сзади, я даже не услышала.

– Что отец от тебя хотел? – спокойно спросил он.

– Догадайся.

– А, – равнодушно отозвался Никита. – Ясно. Можешь считать, что ты выполнила его просьбу. Ты всё сказала, я всё услышал.

– Но я ничего не сказала. Что же ты услышал?

– Неужели ты думаешь, что начни ты сейчас мне объяснять, как важен для меня отцовский бизнес, я изменю своё решение?

– А если попросить Макса помолчать, чтобы Никита мог обдумать всё сам, один?

– Никита давно всё обдумал, – уверенно сообщил он. – Очень давно.

– Ты совсем не хочешь помочь отцу? Ты и тут, конечно, хорош и незаменим, но он прав – ты был бы в бизнесе на своём месте!

Никита сзади притянул меня к себе и закрыл мне рот ладонью.

– Чтобы я больше не слышал разговоров на эту тему, – спокойно, но твёрдо высказал он мне прямо в ухо. – Пожалуйста. Думаешь, если я тебе сказал, что мы тут не навсегда, это значит, что я стремлюсь отсюда вырваться прямо сейчас? Да ещё и в отцовский бизнес? Что могло навести тебя на такую странную мысль? Я сделал этот выбор. Я придумал для нас это место. Для нас, понимаешь? Это значит, что и для себя тоже. А у отца есть Филька, на худой конец.

– Твой отец не горит желанием обучать бизнесу скульптора-отшельника.

– Зато Филипп не сможет ему отказать. А я могу. Поэтому пусть твоя совесть будет совершенно спокойна: ты попыталась. И больше не будем об этом. Хорошо?

Я развернулась в его руках, посмотрела в глаза.

Честные такие серые глаза.

– Хорошо, Никита.

С совестью я как-нибудь договорюсь, не драться же с ней. Но настырный и неприятный старик Корышев, возможно, прав. Возможно, именно я – причина того, что Никита не смог сделать лучший выбор.

У Никиты брякнул телефон. Он взглянул и нахмурился:

– Всё, побежал я. Через десять минут дрова привезут.

Погладил меня по спине, улыбнулся и пошагал созывать свою волейбольную команду на разгрузку дров.

Я вернулась в дом. На кухне уже кто-то хлопотал, наверху кто-то гремел вёдрами и переругивался, в прачечной, наоборот, кто-то взахлёб смеялся. Сумасшедшая избушка как она есть.

Я хотела уже отправиться к себе, попробовать всё-таки тест по бухучёту сдать, и тут за моей спиной хлопнула входная дверь.

Это была Вероника. Румяная, слегка замёрзшая и печальная. Чтобы так подмёрзнуть и покраснеться, нужно было долго пробыть на улице.

– Слушай, Вера, ты что вообще делаешь?

– Что я делаю? – проворчала она, расстёгивая куртку.

– Ты опять ушла надолго!

– Мне было нужно позвонить, – пояснила она хмуро. – Здесь у меня антенны на телефоне почему-то нет.

– Но ты могла хотя бы меня позвать, чтобы я тебя подменила! Там три кокона наверху! Не глядя на меня, она пожала плечами:

– Я не думала, что так задержусь.

– А если бы?..

Вероника повернулась ко мне и посмотрела в упор:

– «Если бы» не считается, – спокойно сказала она и добавила: – И ты мне не начальник.

– Тебе, похоже, и Эрик не начальник.

– Так и есть, – усмехнулась Вероника и, как ни в чём не бывало, отправилась наверх.

Всего год назад это была улыбчивая, добрая девушка, трогательно влюблённая в Эрика. Она легко и охотно помогала всем и ни на кого не держала зла. Виртуозно рассказывала кикиморские байки и совсем ничего не помнила о себе – о том, что сделала, прежде чем попасть на передержку. А потом пришла беда, которую опытные дружинники, в общем-то, предвидели. Да и Эрик тоже представлял, чем может закончиться для Вероники каждый её кокон. И однажды после сильного стресса и обиды Вероника всё-таки слетела с катушек и порвала горло первому, кого увидела на выходе из кокона. Этим первым был Эрик. Из-за того случая я до сих пор не смирилась окончательно с выбором Эрика. Он взвалил на себя очень тяжёлую ношу: женился на кикиморе, которая вспомнила о себе всё, пережила собственную смерть и воскрешение. После она погрузилась в жесточайшую депрессию, а когда немного отошла, то оказалось, что покладистой, работающей и доброй Вероники больше нет, а вместо неё появилась вот такая погружённая в себя, скрытная недотрога. Договариваться с ней о чём-то стало очень трудно. Казалось, иногда мы все очень сильно её раздражаем, и она не посылает нас подальше только потому, что всё ещё помнит сделанное ей добро. Впрочем, я не удивлюсь, если вскоре она это добро забудет. Кажется, к этому идёт. И удивительно, что Эрик и на этот раз ведёт себя так, будто не замечает, что у него под носом творится.

– Лада!

Я обернулась. Эрик шёл ко мне с зажатым в руке телефоном. Вид у него был невесёлый.

– Что случилось?

– Ты не поверишь, – сказал он обречённо. – У нас опять новый надзиратель.

– Почему это я не поверю? – фыркнула я. – Мне ли не знать, что их назначают и переназначают без задней мысли, порядка и логики. Сколько их у меня сменилось или вот у Никиты! И тут у нас уже какой? Третий или четвёртый за полгода?

– Четвёртый, – подтвердил Эрик со вздохом.

– Удивительно, как они ещё решили прикреплять одного надзирателя к нам всем. Если бы распахали нас по разным и меняли бы всех по кругу, было бы ещё веселей. Когда новый приедет знакомиться?

– То-то и оно, что сейчас.

– Сейчас?!

– Да, – кивнул Эрик. – Позвонил начальник дружины, сказал: «Ваш надзиратель уже едет».

И вот тут-то я осознала в полной мере, что такое «Лёша Марецкий привёз неприятность». Как иллюстрация к моему полному осознанию, сверху послышался плач младенца.

– Что делать будем? Не успеем же их никуда ни спрятать, ни вывезти... Ребёнку же кляп не вставишь!

– Тихо, тихо, – Эрик крепко взял меня за локоть. – Есть одна идея. Простенькая, но должна сработать. Давай-ка, оденься для улицы и бегом к Корышеву – пусть даст ключи от машины, и заводи... Я наверх к Ирине.

Глава 5

Я шагала по лесной дороге обратно к бараку, стараясь не переходить на бег. Да, я спешу, но не тороплюсь. Да и зачем торопиться – некуда уже, всё равно опоздала. Вот она, машина надзирателя, стоит у самого крыльца. Обычный для дружин небольшой внедорожник с официальными эмблемами на бортах.

Ирину с ребёнком я оставила в автомобиле Никиты там, где заканчивалась лесная дорога. Она вела от узкого асфальтового шоссе мимо нашей коммуны и ещё немного дальше, заворачивала по дуге и упиралась в никуда. Лес везде был смешанный, а там, где заканчивалась плохо наезженная узкая лесная дорога, росли несколько молодых елей, очень удачно создавая дополнительный заслон от любопытных глаз. В начинающихся сумерках светло-серый автомобиль Никиты был издали почти незаметным, а с территории коммуны и вовсе не виден.

Мне мало удалось пообщаться с Ириной, но она мне понравилась. Внешне совсем обыкновенная и неприметная, она казалась милой и очень спокойной. Это в её-то ситуации... Даже не представляю, как я вела бы себя на её месте – скорее всего, сходила бы с ума. А от Иры у меня осталось приятное впечатление собранности и спокойствия. Она, конечно, встревожилась, но не суетилась и не паниковала. Школа Марецкого, однако...

Я оставила включёнными двигатель и печку. В салоне было тепло. Девчонки вручили Ирине термос с чаем и рыхлый мягкий плед, чтобы удобно уложить младенца. Я велела ей просто сидеть, не волноваться и ждать, а в случае чего звонить мне или Эрику. Кто-нибудь – скорее всего, это буду я – придёт и пригонит машину обратно к бараку, как только опасная ситуация рассосётся. Что тут пешком – всего ничего. Вряд ли у надзирателя появится причина остаться у нас до утра – значит, через час – другой он уедет, а я вернусь за Ириной.

Я вбежала в дом, пытаюсь сообразить, куда все подевались. А это зависело от того, какого типа наш новый надзиратель.

Конечно, дружинники разные, как и мы все, но их можно было поделить на несколько основных типов. Действуя в рамках строгих правил, каждый дружинник придумывал свои собственные методы работы с поднадзорными. Видимо, каждому казалось, что его способ общения с поднадзорными кикиморами – самый разумный и оптимальный. Здесь у нас в лесу уже побывали приверженцы этих разных способов.

Один собирал нас всех в столовой, коротко говорил всё, что следовало сказать, выслушивал ответы хором, раскладывал перед нами уже почти заполненные бланки протоколов, ждал, пока мы их дозаполним и подпишем, а потом сообщал, когда приедет в следующий раз, и удалялся.

Ещё был однажды тип – довольно, кстати, душный – который заседал в столовой сам чуть ли не целый день, а мы заходили туда по очереди, и с каждым он общался строго по предписанному порядку и протоколы все заполнял с нуля на месте. Был и ещё один вариант, не столь долгий, но ужасно неудобный: надзиратель ходил по жилым комнатам и устраивал вечер вопросов и ответов прямо на месте, чем бесил парней и смущал девчонок.

Был в моём личном списке представитель надзирателей первого типа. Димка Баринов. Добрый друг, надёжный парень и... обманщик-перевёртыш. Вот кого я старалась затереть в памяти. Человек, с которым всегда было просто, удобно, а иногда и весело. Который мог пойти ради меня на очень неоднозначные поступки. И который всех нас обманул. Я не была уверена до сих пор, стали бы Никита и Эрик сдавать Баринова куда следует после того, как мы раскрыли, кто он на самом деле. Мне кажется, что нет, они бы не стали. Но этот выбор делать и не понадобилось: Баринов сбежал в неизвестном направлении, и никто о нём больше не слышал.

Макс Серов. Когда Макс был уже моим надзирателем, но мы ещё не были парой, надзорные визиты происходили по второму варианту. И Макс казался мне страшным занудой. Потом,

конечно, он пустил побоку всякий формализм – но только в отношении меня. С другими своими поднадзорными он всегда был немножко бюрократом, но невредным, правильным таким.

Марецкий вроде как третий тип: ужасно неудобный. Умеет висеть над душой. Бывает такое: и висит, вроде бы, из лучших побуждений, но так некстати, что вот прям убила бы... Было за что помянуть Лёху недобрым словом, но после вчерашних событий досье Марецкого подлежало, конечно, пересмотру. Хотя мне было ничуть не легче от того, что одна зараза оказалась не такой уж конченной заразой, а сложной и противоречивой личностью. Я и сама противоречивая личность, куда мне ещё все эти сложности...

Место скопления людей обнаружилось быстро: сдержанный гомон доносился из столовой.

Я поколебалась секунду, стоит ли отнести сначала куртку к себе в комнату или идти так, как есть. Решила не тратить время на всякую ерунду и пошла прямо в столовую.

Все наши ребята сидели кто за обеденными столами, кто на стоящих вдоль стены стульях, и переговаривались вполголоса. Ни Эрика, ни прибывшего дружинника не было.

Я влезла между Никитой и Арсением на свободный стул.

– Всё нормально? – уточнил Никита.

– Ага. Как задумано, – ответила я. – А... где?

Вместо Никиты голос подал Арсений:

– Эрик водит её, дом показывает.

– Её?! Надзиратель – женщина?!

– И, как говорят, хорошенькая, – усмехнулся Арсений.

Я взглянула на Никиту.

– Так говорят, – пожал он плечами. – Я сам пока не видел.

– Да какая мне разница, хорошенькая она или плохенькая?! Женщина, Никит! Представляешь?! Ну вот как так?!

Он ободряюще улынулся:

– Представляю. Не расстраивайся.

Легко сказать!

Женщин начали брать в оперативные подразделения дружин только в этом году. Конечно, женщины и раньше работали в дружинах – в офисных кабинетах, но на контактные должности прежде брали только мужчин. Их как бы не жалко, а нас будто бы берегли. Интересно, в эту благостную чушь кто-нибудь ещё верит?..

– Я понимаю, утешение так себе... – Никита наклонился к самому моему уху. – Но ты же знаешь: даже если бы правила поменяли намного раньше, тебя в дружину всё равно не взяли бы.

– Да, умеешь ты утешить, – прошипела я. – Вот уж талант!

– По-моему, смириться с тем, что мечта не осуществима в принципе ни при каких обстоятельствах, куда легче, чем знать, что...

– Всё, хватит!

Никита замолчал, вздохнул и, обхватив меня за плечи, притянул к себе. Ну да, такое утешение куда лучше, чем ерунду нести.

Да, я мечтала поступить в надзорную дружину. Всегда мечтала, с тех самых пор, как Эрика взяли туда на службу, а я практически поселилась в штабе на Черняховского. Вся эта бумажная волокита с протоколами меня, конечно, не сильно вдохновляла. Но я бы привыкла, если надо. А уж тем более я справилась бы с живыми кикиморами.

Я же в рейды с ребятами ходила. Освоила разные профессиональные приёмы. Много узнала у Эрика на передержке. Драться научилась худо-бедно – Макс знает, сам учил. Да и вообще, я прижилась в дружине, но то, что меня допускали до дела и брали в рейды, было нарушением. На это нарушение тогдашний начальник сознательно закрывал глаза, но потом

и он меня оттуда погнал. Никто никогда не взял бы меня на службу официально, тут Никита прав. Во-первых, я – поднадзорная кикимора, во-вторых, женщина. И если второе препятствие устранили, первое никогда никуда не денется. Я ведь кикимора, а это необратимо.

– Не грусти, – проговорил Никита у меня над ухом и ещё крепче сжал мои плечи.

– Да всё нормально.

Тут открылась дверь, и Эрик, продолжая что-то рассказывать, пропустил в столовую молодую женщину в форменной куртке. Женщина держала традиционную для дружинников папку-планшет: в прочном чехле для гаджета было ещё отделение для бланков.

Разговоры вокруг сразу же оборвались.

Рука Никиты, обнимающая меня, судорожно дёрнулась.

Я взглянула на него. На его лице застыло выражение искреннего изумления.

– Никита, ты чего?

– Да всё в порядке, – пробормотал он.

– Ты что, знаешь её?!

– Угу, – промычал он. – Были знакомы. Давно.

Эрик всё ещё что-то вполголоса говорил нашей гостье.

Мужчинам, конечно, виднее, насколько она была хорошенькая. Но в целом, пожалуй, да. Фигура стройная, хотя больше спортивная, чем женственная. По крайней мере, в форменной одежде она выглядела очень естественно. Стрижка, короткая и по-мальчишески озорная, тоже шла ей. Никакой косметики я не углядела, но и так было очевидно, что глаза на месте, и они довольно большие, а губы красивые и не теряются на лице даже без помады. И это при том, что юной барышней её точно не назовёшь: за тридцать, и хорошо так за тридцать.

– Ребята, – начал Эрик, оглядывая столовую. – Все здесь? Опоздавшие подтянулись?

Я помахала ему, Эрик кивнул и продолжил:

– Нам прислали нового надзирателя. Формальную процедуру вы все прекрасно знаете, так что тратить время впустую не будем, – он оглянулся на женщину. – Прошу, приступайте!

– Добрый день! – произнесла она, подходя к ближайшему столу. Голос низкий, приятный, такие всегда располагают к себе. – Для начала представлюсь. Сегодня я назначена надзирателем к каждому из вас. Если вас тревожит, почему опять новый, должна сразу успокоить: это не означает ничего плохого. Никаких нареканий к вам или к вашему общему опекуну, – женщина качнула головой, указывая на Эрика, – у руководства дружины нет. Просто оно считает вашу коммуналку этакой экспериментальной площадкой и хорошим способом для новичка освоиться на территории. Новичок – это в данном случае я. Нет, с кикиморами я работаю очень давно, но в этот регион я перевелась только что. Вам будет совсем несложно запомнить моё имя, я надеюсь. Меня зовут Мария Иванова.

– Очень приятно! – послышался откуда-то из угла весёлый мужской голос.

– Мне тоже, – кивнула она – правда, без улыбки. – Ваш опекун только что показал мне, как здесь всё у вас устроено, и я под впечатлением. Это очень удобное место, оно разумно организовано, и если вам тут нравится, то я уверена, вы больше всех остальных заинтересованы, чтобы эта коммуналка жила и дальше, а значит, вы уважаете все предписанные правила. Сегодня мы с вами поступим следующим образом. Вспомним, как в школе проходила переписка по классному журналу: так я постараюсь познакомиться и запомнить каждого. Затем я раздам вам бланки протоколов первого надзорного посещения. Коллективными усилиями мы их заполним...

Ага, надзиратель первого типа. Что ж, это просто редкая удача в наше время.

– Вопросы есть? – уточнила Мария Иванова.

– Есть! – раздался тот же голос. – Вы замужем?

Эрик, который всё это время опирался о стену, сложив руки на груди, укоризненно покачал головой.

Иванова пожала плечами:

– Я имела в виду вопросы по делу. Личные вопросы я обсуждаю только с близкими друзьями. И что-то мне кажется, что близкими друзьями мы с вами так и не станем: скорее всего, через некоторое время появится ещё новичок, и вам опять переназначат надзирателя.

Она открыла чехол, оживила экран планшета.

– Давайте быстро пройдем по списку. Виноградова Анастасия...

Ребята отзывались по очереди. Кто поднимал руку, кто привставал, кто-то – кого из-за других было совсем не видно – вставал в полный рост. Иванова доброжелательно кивала, иногда задавала какой-нибудь вопрос, потом благодарила и зачитывала очередную фамилию. Дело шло довольно быстро.

– Измайлова Лада!

Никита снял руку с моего плеча, и я встала, скрипя стулом.

Иванова взглянула на меня, чуть сощурилась:

– Это вы – племянница господина Малера?

Я кивнула. Она, кажется, была не прочь ещё о чём-то спросить, но передумала и только чуть улыбнулась:

– Спасибо... Корышев Никита!

Пока я опускалась на стул, Никита встал в полный рост.

И вот тут Иванова зависла. Полная аналогия с внезапно подвисшим процессором. Небольшой такой ступор. Что интересно: на её лице ничего такого особенного не отразилось. Ни очевидного удивления, ни радости, ни, напротив, недовольства. Просто зависание, как оно есть.

– Это вы, – начала она, наконец, – вы второй учредитель коммуны?

– Да, я, – подтвердил Никита.

Иванова взглядела в свой планшет, нажала на строчку в списке и, когда планшет мигнул, углубилась в чтение. Видимо, вошла в досье Никиты. Не знаю уж, что она там вычитала, но оторвавшись от планшета, она любезно кивнула:

– Благодарю... Следующий... Малер Вера!

Закончила Иванова свою переключку быстро. Да и что там тянуть – всего восемнадцать человек, тем более трое в коконе. Немного больше времени, чем остальные, у неё занял Серёжка – весельчак из дальнего угла столовой. Ему не терпелось допытаться до подробностей личной жизни надзирателя.

– Что ж, – сказала Иванова, когда все были опрошены. – Пожалуй, мы несколько изменим первоначальный план...

Тут я напряглась. Если события пойдут не по первому варианту, всё может затянуться. Брошенные в автомобиле Ирина с младенцем не давали мне покоя.

– Мы не будем сейчас заниматься протоколами, – объявила Иванова. – Я оставлю бланки вашему опекуну. Среди вас есть очень опытные люди, которые в состоянии всё правильно заполнить сами и товарищу помочь. В следующий свой визит – это будет по графику через неделю – я соберу бумаги.

О, намечался хороший поворот. Надзирательница не собиралась задерживаться на нашей территории ни одной лишней минуты даже ради протоколов.

– Всем спасибо, все свободны, – возвестила Иванова и принялась отсчитывать бланки.

Столовая быстро опустела. Вера ушла вместе со всеми, и с Ивановой остались только мы трое.

Она протянула Эрику пачку бланков.

– Мне давайте, – сказала я. – Эрику не до бумажек ваших, его наверху коконы ждут.

Иванова отвернулась от Эрика, задумалась на секунду и подала пачку Никите.

– Вы, Лада, тоже обычно заняты наверху, как я успела прочитать в досье, – сказала она, не глядя на меня. – А вот господин Корышев, который здесь ещё и официальное лицо, вполне может взять на себя формальности... Задержитесь на минутку, Никита. Я вас проинструктирую.

Эрик за её спиной многозначительно кивнул мне на дверь, и сам первый вышел из столовой.

Я поплелась за ним. В коридоре Эрик сразу же остановился:

– Ну, что там у Ирины?

– Всё в порядке, раз не звонила.

– Как эта дама нас покинет, сразу вези их назад.

– Мог бы не напоминать!

Сверху спустился встревоженный Арсений.

– Эрик, там в камере шум какой-то!

– А Вера где?

Арсений только руками развёл. Эрик помчался наверх.

А я сделала пару осторожных шагов и вернулась к столовой. Дверь была не то чтобы из картона, но такая – для порядка и приличий, а не чтобы наглухо запирается. Услышать, что там происходит, можно было.

Судя по звукам, там ничего не происходило. Или я уже что-то прошляпила.

– ...Если бы я знала, что учредитель Корышев – это ты... – произнесла Иванова медленно и задумчиво.

– То что? – уточнил Никита.

– Отказалась бы, конечно же. Не думаешь же ты, что я нарочно сюда вызвалась?

– Не думаю.

– Я вообще решила, что тебя давно нет в живых.

– Почему?

Она ответила не сразу.

– Я тебя искала. И не нашла, нигде. Ни в одной базе.

– Искала? Зачем?

– Хотела убедиться, что с тобой всё хорошо. Но Никиты Богданова нигде не было. Убыл, но куда не прибыл. Кто же мог подумать, что твои документы были фальшивыми...

– Со мной и было всё хорошо, ты зря волновалась, – подтвердил Никита уже мягче. – Ну, а документы... Тогда маман впервые участвовала в каких-то серьёзных выборах. Вот она и справила мне бумаги для интерната на липовую фамилию, а то вдруг журналисты прознали бы. Какие-то связи напрягла – боялась анкету себе испортить. Я как только в Питер вернулся, восстановил всё, как положено, и больше с собой такое проделывать никому не позволяю. Чихал я на её анкеты.

Они оба снова помолчали.

– Зря ты меня искала. Договорились же: забыть и никогда больше не тревожить, не замечать, не мешать. Я так и делал.

– Теперь и я так и делаю, давно уже. Думаю, меня тут очень быстро заменят. Дурацкая практика, если честно, но сейчас будет очень кстати. А пока... надеюсь, ты справишься с протоколами?

– Без проблем.

– Ну и хорошо.

Дверь столовой двинулась – видимо, Иванова взялась за ручку, чтобы выйти.

– Маша! – Никита позвал её и замолчал.

– Что? – с досадой переспросила она.

– Я тебе очень благодарен.

– Это всё, что ты можешь мне сказать?

– Сейчас – да.

– Сейчас? А завтра? Или через неделю?

– Ты неправильно поняла. Сейчас – это вообще. Через столько лет я могу сказать только, что благодарен.

– Тогда лучше бы ты, Богданов, был неблагодарной скотиной, – проговорила она так, что в каждом слове я почувствовала злость. – Ох, простите – господин Корышев, конечно!

– Маша...

Она резко распахнула дверь и вышла в коридор. Само собой, я не могла испариться оттуда в одну секунду, поэтому мне ничего не оставалось, как смотреть ей в лицо и глазами хлопать.

– Вы что тут? – проговорила она в замешательстве. – Что-то хотите?

– Ничего не хочу. Парня своего жду, – пояснила я. – Вы не волнуйтесь, я ему помогу с протоколами. Я их знаете, сколько видала?

– Замечательно, – спокойно кивнула Иванова. – Всего хорошего, мне нужно ехать.

Она прошла к выходу, дверь за ней захлопнулась. Через некоторое время послышался звук отъезжающей машины.

Я оглянулась на Никиту. Он стоял в дверях столовой, низко наклонив голову, и сгибал в трубочку пачку бланков.

– Что ты документы мнёшь?!

Спохватившись, Никита расправил бумаги.

– Ник, ты расскажешь мне?

Он поморщился и промолчал, глядя в сторону.

Я обняла его.

– Никит, не смей! – прошептала я, прижимаясь к нему покрепче. – Я понимаю, тут что-то прошлое, что болит ещё до сих пор... Не вздумай раскисать! Ты что?! Это же ты меня держишь, а не наоборот! Мне же не справиться с тобой... с вами двоими...

– Нормально всё, – коротко отозвался он, обхватил меня, покачал немного из стороны в сторону. – Эх ты, Ладка... Кто кого держит – ещё большой вопрос...

– Ой! Мне же за Ириной возвращаться надо!

– Давай, вперёд! – усмехнулся Никита. – Сейчас бумаги закину, да надо с ребятами брёвна поровнее переложить, пока ещё можно на улице что-то разглядеть. А то их с лесовоза скинули, как попало.

Глава 6

Машина так и стояла в лесном тупике. Двигатель работал, свет в салоне не горел.

Ирина встретила меня тревожной улыбкой.

– Ну, как у вас тут дела? – спросила я, забираясь на водительское место.

– Всё хорошо, – отозвалась Ира. – Сидим, всё спокойно. Вот только человек какой-то мимо прошёл. В зелёной куртке с этими... как их... с отражателями на рукавах. Может, из ваших?

– Нет у нас вроде ни у кого зелёных курток... Когда прошёл?

– С полчаса назад, может, больше.

– Тем более. Полчаса назад мы все в столовке сидели, надзирателя слушали... Да мало ли кто тут шастает – лес-то ничей, в смысле – общий. Ну, прошёл и прошёл, забудь.

– Он к машине подходил, заглядывал в окно. Увидел меня, рукой так сделал... как бы извинился, и дальше пошёл.

– Ну, так ты позвонила бы, если испугалась.

– Я и позвонила, – вздохнула Ирина. – Не вам, Алёше.

– Алёше, знаешь ли, далековато бежать выручать вас.

– Ну, я не для этого позвонила. Просто он умеет что-нибудь сказать так, что сразу ничего не страшно.

Ох, ну надо же. Великий гуманист и психолог Марецкий, кто бы мог подумать.

Я осторожно, чтобы не засечь в снегу, развернула машину, и мы поехали обратно к бараку.

Снаружи была ещё не такая уж непроглядная темень, но изнутри казалось, что на улице темнее, чем на самом деле. Проехать по дороге можно было и так, силуэты деревьев были ещё хорошо различимы, но, чтобы вписаться в поворот без лишних приключений, пришлось включить фары.

На повороте яркий свет фар выхватил среди деревьев два силуэта. Кто-то повыше в зелёной куртке с отражателями на рукавах крепко обнимал девушку в оранжевом стёганом пуховике.

– Вот! Вот этот подходил! – воскликнула Ирина за моей спиной.

– Ага, понятно, – буркнула я.

За полгода я выучила весь гардероб обитателей нашей коммуны. Мужчина точно был не из наших. Зато я прекрасно знала оранжевый пуховик Вероники. Кажется, она, наконец, дозвонилась, куда хотела...

Водворив Ирину обратно в её комнатку, я заглянула в изолятор. За ребятами в коконах присматривал Арсений. Кажется, он слегка волновался, но заверил меня, что помощь ему не нужна. Обосновался он в предбаннике изолятора очень основательно: ноутбук на столике, большой термос – чтобы поминутно в столовку не бегать за чаем – и примерно половина большого пирога с повидлом.

Я спустилась вниз, в комнату Эрика.

Он сидел на кровати, согнувшись и сцепив пальцы на затылке. Босой и без рубашки. Когда я вошла, выпрямился и вопросительно взглянул:

– Что?

– «Что?!» Это я у тебя хочу спросить. Что происходит?

Эрик нахмурился:

– Ирину привезла?

– Конечно, привезла. Эрик, ещё раз! Какого чёрта творится?

– Где?

– Здесь. У тебя. У вас с Вероникой.

Эрик вздохнул и встал.

– Эрик, где Вера?

– Понятия не имею, – отрезал он и потянулся за висящей на спинке стула рубашкой.

– Вот как это ты не имеешь понятия?

– Вот так.

Он неторопливо застегнул рубашку, ещё раз вздохнул и взглянул на меня исподлобья.

– Чего ты от меня хочешь, Ладка? – устало спросил Эрик. – Что тебе непонятно? По моему, всё ясно и так – что ты меня пытаешь? Если бы она не была, как все вы тут, завязана на мою опеку, она уже ушла бы от меня.

– Как это?!

– Ты не знаешь, как женщины уходят? – немного желчно уточнил он.

– Что случилось?! Что вдруг могло случиться?!

– Лада... – Эрик нетерпеливо дёрнул рукой. – Ну, какое «вдруг»? Ты же видишь, как она изменилась за последнее время. Я тоже сначала радовался, что горе её притупляется, и она начинает видеть что-то вокруг... Но она пришла в себя окончательно и обнаружила, что я ей не особо-то и нужен. Точнее, не нужен вовсе.

– Эрик, этого быть не может!

– Может – не может, – усмехнулся он. – Но так оно и есть.

– Она сама тебе сказала?

– Нет, не сказала. Но я не такой уж слепой, каким кажусь.

– Ты знаешь, где она сейчас?

– Не знаю, – глухо буркнул Эрик. – Вероятно, там, где сейчас ей быть важнее, чем дежурить в изоляторе.

– И ты вот просто так позволяешь всему этому происходить?!

– А что я должен делать? К трубе её приковать?

– Эрик!

– Пожалуйста, избавь меня от упреков, – строго сказал дядя.

Это были не упреки. Было ужасно обидно за Эрика. И жаль его до слёз. И как же я обозлилась на Веронику!..

– Я не поняла, почему ты оставил дежурить Арсения? То ты ему тройную дозу успокоительного даёшь, то вдруг такие поручения!

– У него правильные волнения, надо только понизить их градус. И дать парню соответствующий опыт. И я с каждым днём убеждаюсь, что он не пойдёт самовольно шляться, где попало, когда на его попечении люди...

Эрик осёкся, потом будто бы отмахнулся от чего-то невидимого и встряхнул головой:

– Всё, Ладка, завязывай с этим допросом. Не будем тратить время на бессмысленные разговоры.

– Как скажешь.

Дверь в комнату резко распахнулась, и ввалилась Вероника, на ходу снимая свой оранжевый пуховик.

Мы оба уставились на неё.

Она казалась... счастливой! Радостной, умиротворённой, спокойной. Прямо катарсис какой-то.

Эрик молча взял со стула носки, натянул их, сунул ноги в туфли и, ни к кому конкретно не обращаясь, сообщил:

– Я наверх. К ужину спущусь.

И ушёл.

Вероника посмотрела ему вслед, пожала плечами.

– Нигде не ёкает? – уточнила я у неё.

Она посмотрела на меня невинно, непонимающе.

– Я тебя не узнаю, – сказала я. – Совсем. Что же ты с ним делаешь?

Вероника усмехнулась:

– А что я делаю?

– Хорош прикидываться! Где ты ухажёра своего раздобыла? На сайте знакомств? Или в местном магазине повстречала? – Какого ухажёра? – прищурилась Вероника.

– Такого! С которым ты только что под ёлками обжималась.

Улыбка сошла с её лица.

– Вера, ты совсем дурочка, что ли? За что ты так с Эриком? Ему же больно! Что ж ты такая деревянная стала?!

Она смотрела на меня и... Я так и не поняла, что произошло. Глаза её быстро наполнились слезами, и крупные капли побежали по щекам, срываясь на пол. А губы сложились в брезгливую и злобную гримасу. И одно с другим как-то совсем не вязалось.

– Уходи из моей комнаты! – процедила она. – Сейчас же!

Я вышла и, каюсь, не удержалась – хлопнула дверь как следует.

Глава 7

В деревянном сарае было холодно, как в морозилке.

Никита под единственной лампочкой, свисающей с потолка, ковырялся во внутренностях бензопилы: готовил инструмент к грядущим трудовым подвигам. Ну, то есть Никита, конечно, руками-то сам шевелил, что-то там смазывал, подтягивал, но я знала, что Никита Корышев сносно умеет управляться только с наружными кнопками и рычагами всякой разной техники. Это я не наговариваю, это он сам признался. Так что влезть внутрь, разобрать-собрать – этим, конечно, занимался Макс.

В общем, пила благополучно проходила плановый техосмотр, а я как пришла, так и стояла на одном месте и тарахтела без умолку, вываливая на Никиту всю пережитую досаду и всё негодование, которое накопилось во мне за сегодня.

Никита слушал, изредка поглядывая на меня, но не перебивал, да и вообще больше смотрел на свои железки.

– ...и я не знаю, что с этим делать! Что-то нехорошее происходит! – закончила я свой длинный монолог.

– Да, – печально протянул Никита. – Судя по всему, хорошего мало.

– Эрик не хочет меня слушать. Старательно изображает фаталиста.

Никита вздохнул:

– Не обижайся на него. Он не хочет об этом говорить, и мне, в принципе, понятно, почему.

– И почему?

– Он считает, что ничего не поправить, – пожал плечами Никита. – Винит наверняка себя. И вообще... Малер из тех мужиков, которые готовы стоять насмерть за других, но не умеют сражаться за себя. Хорошим парням обычно катастрофически не везёт в личной жизни.

– То есть, ты – исключение?

Никита нахмурился:

– Чувствую подвох, но не пойму... А-а-а, – усмехнулся он. – Нет, Лада. И я не исключение. Я – правило.

– Ну да, конечно! Ты хочешь сказать?!..

Я уже почти обиделась, но он укоризненно покачал головой:

– Я – не хороший, вот в чём всё дело. Так что повезло мне с тобой не потому, что я хороший парень, а потому что удача всегда абсолютно нелогична и совершенно аморальна.

Он замолчал, потом на всякий случай добавил:

– Это я от имени Корышева заявляю, если что.

– А Макс как считает?

– У Макса другая теория насчёт хороших парней и их личной жизни, – проворчал Никита. – И мне казалось, что с Максом ты утрясла этот вопрос уже давно и окончательно.

Я только фыркнула.

– Никит, а ты уверен, что ничего не поправить? Ты же говорил, что чёрной кикиморе легче, чем обычной. Почему же с Вероникой всё так плохо?!

Никита пожал плечами:

– Поддерживать ритм коконов нам, чёрным, конечно, намного легче. В остальном всё примерно одинаково.

Поддерживать ритм коконов легче!.. Одно это уже огромный плюс. Вот я, например – обычная кикимора третьей группы; допустим, неделю, две, а то и три – четыре не сплю, бодря и весела, и вдруг за какую-то пару минут все силы уходят, ноги заплетаются, голова отказывает – и бряк в кокон, в глубокий беспробудный сон дней на десять. А чёрные кикиморы – которые

пережили смерть и воскрешение – чувствуют, что «хотят спать» уже за несколько дней, могут натренироваться оттягивать кокон, если очень нужно. То есть могут имитировать обычную жизнь здорового человека, и иногда им удаётся обмануть даже надзорную дружину.

– А ты не мог бы поговорить с Вероникой? Как чёрная кикимора с чёрной кикиморой? С тобой она может быть более откровенной.

Никита покачал головой:

– Я уже говорил с ней.

– Когда ты успел?! Почему не сказал мне?

– А вот именно потому, что откровенной Вероника не была, разговор получился пустым и неприятным, и рассказывать тут совершенно нечего, – пояснил Никита. – Так, извини, я пошумлю немного.

Он включил пилу. В замкнутом пространстве пустого сарая звук был совершенно непереносимым.

– Отлично, всё работает, – сказал Никита, выключив свой агрегат.

Он отнёс пилу к стенке, положил, прикрыл куском мешковины, а потом вернулся ко мне.

– Значит, говоришь, она плакала и одновременно была в ярости? – переспросил он, вытирая руки жуткой тряпкой, воняющей растворителем.

– Угу.

– Есть только одно правдоподобное объяснение всему, что происходит с Вероникой. Правда, когда я спрашивал её, прямого ответа не получил. Но это ничего не значит. Факты нам в помощь. А если исходить из фактов, то... – Никита задумался, глядя в сторону, вздохнул и перевёл взгляд на меня. – Я думаю, что с некоторых пор наша Вероника больше не одна.

– Подселенец?!

– Подселенка, – уточнил Никита. – Футляры используются строго по гендерной принадлежности. Так что внутри нашей Вероники, похоже, обосновалась некая дама, причём на постоянной основе.

– В смысле?

– Если бы подселенка приходила в футляр, а потом уходила и через некоторое время вновь возвращалась, Вероника на какой-то период полностью становилась бы собой. Но она ведь уже долго собой не была, так ведь?

– Так.

– Значит, подселенка – не гостя, а постоянная. Вероника не смогла сопротивляться, сдалась. Она не в силах противостоять тому, что происходит, – заключил Никита мрачно.

Возразить мне было нечего.

Никита бросил тряпку туда же, поближе к пиле.

– Ну, ладно, здесь я всё закончил, – вздохнул он. – Пойдём, поваляемся.

«Поваляться» – так мы называли наши кикиморские ночные бдения. Мозг бодрствует, спать не собирается. А тело устаёт, оно же бегаёт туда-сюда, таскает тяжести, работает в наклон, играет в волейбол, танцует и поёт и всё такое прочее. Телу надо хорошо питаться и ежедневно валяться по несколько часов в полном покое на удобной поверхности, чтобы ноги уверенно носили.

– Хорошо, пойдём валяться, – согласилась я.

Мы с Никитой повернулись к двери и остановились.

В дверном проёме стояла Вероника в своём оранжевом пуховике.

– Привет, рыжая, – усмехнулся Никита. Он часто называл так Веронику, и она никогда не обижалась. Да и трудно было обижаться на Никиту. В этом беззлобном прозвище было что-то такое домашнее, будто старший брат дразнит маленькую сестрёнку.

Но сейчас глаза Вероники злобно сузились. На привет она не ответила.

– Вы что на ужин не пришли? – спросила она угрюмо.

Мы с Никитой переглянулись.

– Ужин? Да что-то забыли совсем, – сказал он.

– Пилу чинили, – подтвердила я.

Вероника молчала, словно решая, говорить дальше или не стоит.

– Послушай, рыжая... – осторожно сказал Никита, двинувшись к ней. – Я не знаю, как тебя теперь называть, но я насквозь тебя вижу. Зря ты не признаёшься. Ты очень сильная, но ты новичок. Ты не умеешь сохранять личность футляра...

Вероника вдруг сделала ещё шаг и, упав Никите на грудь, горько заплакала, жалобно всхлипывая. Он растерялся, но обнял её, страдальчески закатив глаза.

– Ну, во-о-от, – вздохнул он. – Не надо так. Мы всё поймём, тебе нужно всего лишь нам всё объяснить. А ты молчишь... Не разрешаешь Веронике даже позвать на помощь. Нельзя так...

Она метнулась, вырываясь из его рук. Я успела увидеть только покрасневшие от слёз глаза под кудрявой рыжей чёлкой. Так и не сказав ни слова, Вероника убежала. Никита так и остался стоять с согнутыми в локтях руками.

– Ну и ну, – проговорил он задумчиво.

– Может быть, мы что-то неправильно делаем? – предположила я. – Всё понимаем не так, как надо?

– Не забывай, о ком я обречён помнить, – буркнул Никита. – Райда разбирался в таких вещах. Мы всё делаем правильно. Видишь же: она сама пришла. Про ужин спросить, ага, как же! Это Вероника делает последние попытки вырваться, проявить себя, сказать, что происходит. Но подселенка не даёт. Она сильнее.

– Что же делать?! Эрика жалко!

– Всех жалко, – постановил Никита. – Сейчас уже поздно, а завтра я с Эриком поговорю прямо с утра. Пойдём в кухне чего-нибудь съестного поищем, а потом валяться. Заодно поразмышляем. Как раз есть, над чем.

Глава 8

Валяться мы собирались добросовестно. Сначала, правда, забрали с собой из кухни всё, что смогли отыскать, и съели это в своей комнате. Вот только обычно мы за едой болтали, а сейчас молчали.

Потом Никита выключил свет, оставил на экране компьютера какой-то древний скринсейвер в виде аквариума с рыбками. Он давал невнятную, очень тревожную подсветку, и я не любила эту картинку. Но сейчас она была в тему.

Мы улеглись на диван, я завернулась в плед и закрыла глаза.

– Ладка, а я?

– Что?

– Одеялом поделись, – проворчал Никита. – Кто у нас там сегодня истопником? Холодно в комнате. Пойти, что ли, возмутиться?

– Пойди.

Но он и с места не сдвинулся.

Я могла бы, конечно, отправить его в шкаф за вторым одеялом. Но так и быть, я размотала плед, и мы забились под него вместе.

Обычно мы ночами смотрели фильмы или слушали музыку. Или дурачились и смеялись над чем-нибудь. Или занимались любовью. Или спорили и ругались.

Сейчас мы молчали, совершенно обессиленные. Обсуждать ситуацию можно было бесконечно, и, наверное, именно этим и стоило заняться, но мы просто молчали. Время тянулось и тянулось, и всё впустую.

Никита иногда тяжело вздыхал, и я всё ждала, что он вот-вот что-то скажет. Но так и не дождалась. Он ничего не говорил, только пару раз покосился на стол, на котором около компьютера лежали бланки протоколов.

– Хочешь, помогу заполнить?

– Да ну, что ты? – усмехнулся он. – Неужели я не в состоянии справиться с тем, чем Макс Серов занимался последние десять лет?

– Ты в состоянии, но, кажется, не очень хочешь.

– Не хочу, – согласился Никита. – Как-то совсем не до бумажек, мысли совершенно о другом.

– У меня тоже плохое предчувствие, – сказала я. – Из-за Вероники, видимо.

– То, что происходит с Вероникой – это было почти неизбежно, Лада. Чёрные кикиморы недолго живут просто так, пустыми. Их трансформируют с определенной целью. Если кто-то сделал из Вероники футляр, значит, его должны были заполнить – чуть раньше или чуть позже. Если ты считаешь, что могла это предотвратить – ты ошибаешься. Так что успокой своё предчувствие.

– Дело не только в Веронике... – начала я, но тут зазвонил его телефон.

– В пятом часу?! – возмутилась я. – Кому неймётся?!

Никита сел, плед потянулся за ним и почти сполз с меня. Я дёрнула плед обратно. Никита, хмурясь, схватил телефон со стола и откинулся обратно на подушку.

– Чужой номер... – буркнул он и ответил на звонок. – Слушаю... Кто это?.. О!.. – его тон заметно смягчился. – Добрый вечер. Не узнал по голосу.

Мне показалось, он немного напрягся. Послушал говорившего, покусывая губы, потом решительно сказал:

– погоди, погоди, Маша! Это совершенно лишнее. Тебе не в чем оправдываться. И извиняться не за что...

Иванова – навряд ли это была какая-то другая Маша – снова о чём-то заговорила.

Никита медленно набрал воздуха в лёгкие, так же медленно выдохнул, прикрыв глаза, и очень вежливо перебил её:

– Маша, послушай, ты ничем меня не обидела. Не переживай, всё нормально. Сейчас всё намного проще: ты – мой надзиратель, я – один из твоих кикимор. Ты делаешь свою работу, я подчиняюсь правилам... Помним мы остальное или уже забыли – это к делу не относится... Да, конечно. Всего хорошего.

Он выключил телефон, в задумчивости пошлёпал им по подбородку, потом отложил обратно на стол и улёгся, уставившись в потолок.

– Откуда ты знаешь эту Машу?

– Очень давно, когда я только-только прошёл комиссию и получил третью группу, я попал в интернат, – проговорил Никита, по-прежнему глядя в потолок. – Попал, в общем-то, по своей воле. С родителями я давно был на ножах, а тут и совсем разругался, брат стал меня откровенно бояться, так что выхода я не видел... Когда дружина предложила интернат, я согласился. Маман даже обрадовалась, что такой компромат собирается самоустраниться. Для пущей уверенности она, как мой опекун, подсутилась и по благу оформила меня под чужим именем. Мне было всё равно... – он помолчал, взглянул на меня и добавил: – А было там, в интернате, очень плохо, Ладка. Поэтому я знал, что делал, когда пытался тебя туда не пустить.

Я повернулась на бок, обняла его, положила голову ему на плечо. Он потёрся щекой о мою макушку.

– Маша была штатным психологом, – продолжил Никита свой рассказ. – Тогда полагался каждой кикиморе раз в неделю сеанс с психологом. Анкеты, беседы, аутотренинг, гипноз – в общем, ерунда всякая... Может быть, с кем-то и срабатывало. Со мной – нет. А она такой человек – привыкла своего добиваться. И никак ей было не смириться с тем, что её занятия со мной – выброшенное время... Разработала она для меня особую усиленную программу. Три занятия в неделю вместо одного... Честное слово, хотелось головой о стену биться от этих её сеансов. То ли она была неважный психолог, то ли я непробиваемый. Скорее, второе... Короче говоря, я стал её абсолютной профессиональной неудачей. Но... – Никита снова тяжело вздохнул. – Но влюбился я враз и с концами. Как потом очень быстро выяснилось, и она тоже. Ей-то я зачем был нужен, вообще непонятно. Красивая, умная, устроенная...

– В смысле?

– Ну, – усмехнулся Никита. – Там, в интернате я и услышал эту фразу: по-бабьи устроенная. Муж какой-то важный пост в районе занимал, крутой, небедный, любил её очень... Мы с ней, конечно, скрывали, как могли. Но от глаз дружного коллектива, сама знаешь, долго ли прятаться сможешь. Муж вскоре прознал, что не удивительно. Ну и понятно, чем это закончилось...

– Вот как раз совершенно непонятно. Закончиться могло, как угодно. Куча вариантов.

– Например?

– Например, муж прознал, пригрозил ей чем-нибудь, она испугалась и порвала с тобой.

– Про мужа ты угадала, а дальше было не так. Ушла она от мужа. Сняла жильё в ближайшем посёлке, продолжала работать в интернате. Продолжала меня тянуть...

Никита замолчал.

– А потом как-то раз, – начал он после паузы, – приехала к нам в интернат делегация для обмена международным опытом. Иностранцы с разных концов света. Смотрели, как у нас устроен обычный интернат для кикимор. Кто чем интересовался, а один парень, мой ровесник, очень хотел поучаствовать в занятиях с психологом.

Снова пауза.

Я осторожно отстранилась, села, придерживая плед на плечах. Никита беспокойно нахмурился:

– Ты куда?!

– Никуда. Просто не хочу тебе плечо отдавить.

Он криво улыбнулся, протянул руку, вцепился мне в локоть, словно я вот-вот удеру.

– Никит, если тяжело очень, не рассказывай. Жила я как-то без этого знания и дальше проживу. Это ведь прошлое, и оно не важно. Так ведь?

– Оно важно, – возразил Никита. – Пока помнишь – важно.

– Тогда расскажи, что там было с тем иностранцем.

– Он присутствовал на сеансах в тот день, и на моём тоже. Задавал вопросы и мне, и Маше, в блокнотик что-то записывал. Потом попросил со мной пять минут наедине. О чём говорили, уже и не помню. Потом делегация уехала. А вечером... – Никита потёр лицо, помолчал и заговорил снова уже иначе: коротко, отрывисто, нервно. – Вечером я свалился в кокон. Странный оказался кокон: с видениями. Какие-то кошмары, от которых я был вынужден защищаться. Не кокон, а прямо настоящий дурной реалистичный сон. Проснулся я в интернатской кухне. В луже крови. Среди перевёрнутых кастрюль и размазанной по полу пищи. Услышал крики, визг, проклятья. Всё тело ныло, голова кружилась, суставы выламывало... Честно говоря, я в первую минуту подумал, что раз всё так невыносимо болит, то это всё моя кровь. Добрался до двери, хотел выползти скорее оттуда, чтобы помогли. Оказалось – я заперт. Ещё с час входную дверь подпирал – боль проходить стала, только слабость и дрожь остались. И тут я понял, что случилось...

Судя по описанию, получался выход в первую группу – сильнейший срыв, приступ неконтролируемой агрессии, при котором кикимора не сознаёт и не помнит, что наделала. Одного такого срыва достаточно, чтобы кикимору записали в безнадежные. Дальше – только полная изоляция в практически тюремных условиях, а в случае рецидива... Лучше об этом не думать. Есть законы – да, конечно. Но всегда есть те, кто считают, что проблемы нет только тогда, когда нет человека.

– ...С той минуты, когда я всё понял, – продолжил Никита, – меня занимало только одно. Я хотел знать, чья это кровь вокруг и что именно я успел натворить за то время, пока не осознавал себя.

Говорил он твёрдо и спокойно. Но его рука чуть заметно подрагивала на моём локте.

– Прошло ещё время. Наконец, дверь открыли снаружи. Куча дружинников завалилась со всеми предосторожностями... Помяли они меня немного, прежде чем мне удалось им доказать, что я вменяем. Но в целом отнеслись ко мне довольно спокойно, и это меня удивило. Уже потом, когда меня отмыли, осмотрели и заперли в изоляторе, пришёл начальник интерната и объяснил, что – на его взгляд – произошло. У меня случился тяжёлый кокон. Настолько тяжёлый, с такими удивительными осложнениями на сердце, что местный врач посчитал меня мёртвым. И несколько часов он пребывал в уверенности, что у него в одной из камерок изолятора – труп. Родственникам они сообщить не успели – это же у них в последнюю очередь делается. А вот в местную дружину позвонили. И кто-то из добросердечных Маше сообщил... Она примчалась среди ночи. Врач уступил, пустил её ко мне, велел дежурному помощнику её сопровождать. А помогал в изоляторе всегда кто-то из кикимор. В общем, дежурный привёл Машу к моему бездыханному телу, она меня давай обнимать, а я... А я пошевелился и встать стал... Ну, ты же, Лада, уже представляешь, как это бывает...

Ещё бы мне не представлять. До сих пор помню непередаваемые ощущения, когда труп Вероники, туго обёрнутый простынёй, принялся дёргаться, как выброшенная на берег рыба.

– Маша от шока просто в ступор впала, так в камерке и осталась в уголке сидеть. А парень, что в изоляторе дежурил, не вынес воскрешения Лазаря и от стресса сорвался. В общем, так никто и не разобрался, кто из нас двоих людей покалечил. Меня им удалось в кухню загнать и запереть там. А его пытались поймать, он на крышу забрался и то ли прыгнул оттуда, то ли сорвался... Там невысоко, в общем-то, но получилось насмерть. К счастью, кроме этого бедняги, трупов больше не было, но раненых очень много...

– Ты ни в чём этом не виноват!

– Я знаю, – спокойно кивнул он. – Я всё давно себе растолковал, по всем правилам.

– И ты сказал, врач посчитал тебя мёртвым. Но ведь ты и на самом деле?..

Никита криво усмехнулся:

– Да, я умер тогда. Как известно, чтобы стать чёрной кикиморой, надо хотя бы ненадолго умереть.

Он вдруг резко поднялся и сел, спустив ноги с дивана.

– Что ты?! – испугалась я.

– Устал лежать, – буркнул он.

Я обхватила его сзади, прижалась к спине.

– А потом, – продолжил он уже почти равнодушно. – Меня неделю держали взаперти, готовили документы к отправке на центральную передержку. А там мне светила первая группа и, в общем-то, конец всему... Маша ко мне не приходила. Я сидел в своей клетушке, ждал отправки – больше от меня ничего не зависело. А потом пришёл начальник интерната, принёс мои документы. В направлении было написано, что меня отправляют обратно в Питер, под надзор местной дружины для освидетельствования на вторую группу. Мало того, мне разрешили самостоятельно проделать путь из интерната в питерскую дружину. словно и не было того случая. Нет, случай был, невинное происшествие на выходе из кокона, и оно было описано в бумагах довольно подробно. Но это была выдумка какая-то, обыкновенный подлог. На моё изумление, откуда это взялось, и почему они все это подписали, я получил глумливую усмешку и прямой ответ, что хорошо мне, видимо, крутить любовь с женой большой шишки. Когда меня выпустили в дорогу, я бросился искать Машу. Она поговорила со мной какую-то пару минут. Сказала, что возвращается домой, к мужу. Что всё кончено, и она не может себя заставить забыть то, что случилось. Взяла с меня обещание никогда не пытаться её искать.

– И ты не искал?

– Нет.

Я тоже сползла с дивана, села рядом с ним.

– Но ведь она тебя любила, иначе не вернулась бы к мужу в обмен на подложную справку для тебя. И до сих пор любит, поэтому и обиды эти, и звонки ночные! Никита, это же очевидно, как дважды два!

Он пожал плечами:

– Может быть. А что это меняет?

– А разве не меняет ничего?

Никита печально рассмеялся:

– Хреновая из тебя сваха, Ладка.

– Почему это?

– Ну, подумай, – мрачно отозвался он и, придвинув к себе кроссовки, принялся обуваться.

– Ну, подумала. И не поняла ничего. Так почему?!

– Что ты пытаешься мне внушить? Что я должен сделать шаг навстречу? Должен чем-то ей ответить? – Никита завязал шнурки, разогнулся и посмотрел на меня. – Лада, я футляр-двоедушник, но я не двоеженец.

Я раскрыла рот, но не успела ничего ответить, как он с досадой покачал головой:

– В последнее время ты всё чаще видишь во мне только чёртова придурка Корышева. Будто бы забываешь, что я – нечто более сложное. Я же объяснял: не могу я внутри разделиться! Никогда теперь не смогу! И на ситуацию Никита и Максим смотрят вместе. И им дорого то, что у них есть сейчас.

– Макс не помешал Никите наладить отношения с отцом и братом, почему же он мешает любить эту Марию?

Он тоскливо вздохнул:

– Лада, не ешь мой мозг.

Он встал, я вскочила тоже. И сразу же попала в крепкие объятия.

– Неужели ты думаешь, что если бы Никита был категорически против твоего присутствия в его жизни, – задумчиво проговорил он, тиская меня и слегка покачивая, – у вас с Максом что-то получилось бы сейчас?

– Может, и не получилось бы. Но я уверена, что ты не против.

– Я теперь не представляю, – прошептал он мне в ухо, – как бы я жил сейчас, если бы ты однажды не позвонила в дверь моей квартиры. И я совсем не знаю, что со мной будет, если вдруг я останусь без тебя.

– Я и вообразить не в состоянии, как бы тебе удалось от меня избавиться.

– Вот и я тоже, – засмеялся Никита и поцеловал меня в висок. – Ладно, пойду поищу Эрика. Мне надо серьёзно с ним поговорить.

– В такую рань?

– Да он точно уже встал. А ко мне сегодня Филипп привезёт Павлика, и позже мне будет совсем некогда.

– Ну, хорошо, иди. Я тогда стирку попытаюсь провернуть, пока внизу хотя бы одна маленькая стиралка свободна.

Никита пошёл к двери.

– Слушай, а я не поняла, ты зачем про этого иностранца ввернул? – спросила я ему в спину. – Это вот к чему было?

Он повернулся и развёл руками:

– Да я напрасно его упомянул, он к этому делу не относится.

– Но к чему-то он относится?

Никита пожал плечами:

– Вернулся я тогда домой. Занял у друзей немного денег, снял совершенно жуткую непристойную берлогу, чтобы спокойно дожидаться конца процедуры и отбыть в другой интернат. Регламент, как ты знаешь, долгий и нудный. Я даже успел двух надзирателей сменить и понять, что мои ритмы изменились, и я теперь уже за пару дней начинаю чувствовать приближение кокона. И вот тут-то и пришёл он, тот иностранец из делегации. Прямо ко мне на эту съёмную квартиру. Сказал, что у него для меня есть интересное предложение, которое будет выгодно нам обоим... Его звали Райда.

Я только кулаки сжала. Разговоры о Райде у нас были под негласным запретом. С одной стороны, слишком много горя принёс он мне и Максиму, а с другой стороны, если бы не его извращённый кодекс чести, в теле Корышева сейчас жили бы не Никита плюс Макс, а Никита плюс Райда. Так что, если бы Райда тогда не погиб, мне стоило бы его сейчас поблагодарить. Если бы я, конечно, успела сделать это до того, как Макс – вместе с Никитой, разумеется – осуществил бы свою вендетту и всё-таки прибил бы Райду.

– Ну, я пошёл! – виновато улыбнулся Никита.

– Ага, за завтраком увидимся.

Он вышел.

«Хреновая сваха...» Не сваха я. Я просто боюсь. Очень боюсь, что эта Маша, неожиданно свалившаяся на нашу голову, всё-таки разбудит в Никите если не давно задавленное чувство, то ностальгию по тому роману. И настанет нам троим очень весёлая жизнь. Никита, конечно, не двоеженец, но кто ж его знает... А я-то вообще получаюсь двоемужница. И мне этого любовного треугольника для счастья хватает. Превращать его в перекошенный ромб нет никакого желания.

Глава 9

Дверь в подвал у нас никогда не запиралась, поэтому я без сомнений набрала охапку одежды побольше, зная, что возиться не придётся: только толкнуть дверь и осторожно спуститься по лестнице.

Свет над крутой лестницей сработал от датчика движения. Я без проблем преодолела ступеньки и уже внизу, положив одежду на гладильный стол, включила общий свет.

Я была права. Если барабаны больших стиралок были ещё не разгружены после ночной стирки, две маленькие машины остались пустыми.

Я засунула в одну из них нашу с Никитой одежду. Теперь был шанс, что наши тряпки не сменят хозяина, сгинув в общей куче. Главное, не забыть их вовремя вынуть. Я вообще-то девушка добрая, местами даже с перебором, но вот чего терпеть не могу, так это обмена личными вещами, как в детском летнем лагере.

Диспенсер с кондиционером стоял на своём месте, благо что привинчен, а вот мешок с порошком куда-то запропал. Я встала и огляделась. В этой части подвала, кроме стиральных машин и гладилки, ещё был небольшой склад бельевых запасов и гигиенических принадлежностей. Под новый год Никита раскрутил отцовских компаньонов на щедрые пожертвования, и нам доставили огромное количество подгузников для взрослых и впитывающих простыней. Упаковки этого добра просто сложили вдоль стены рядом с коробками с постельным бельём и задёрнули этот импровизированный склад занавеской. Видимо, чисто ради эстетики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.